

РУКОВОДСТВО

КЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ И ПРАКТИЧЕСКОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ

(составленное В. Краузе, исправляющимъ должность профессора при Горигорѣцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ. Москва. 1860 г.)

Какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, пчеловодство очень долгое время было занятіемъ однихъ только простолюдиновъ — *пасѣчниковъ*, которые, руководясь опытами своихъ предковъ и своимъ природнымъ умомъ, покойно шли пробитой уже тропинкой, иногда придумывая и сами какое либо улучшение, но — большею частію — оставаясь на одной степени знаній. Наконецъ, подобно другимъ предметамъ сельскаго хозяйства, пчеловодство обратило на себя вниманіе людей ученыхъ, которые, имѣя болѣе развитой умъ, больше познаній природы, и вооруженные всѣми пособіями другихъ наукъ, стали заниматься имъ дѣятельно, посвящая иногда всю свою жизнь этому полезному и пріятному занятію. Помогая другъ другу въ этомъ дѣлѣ, они убѣдились, что простолюдины-пасѣчники ведутъ пчеловодство очень неудовлетворительно и невѣжественно, и что знанія ихъ остановились на одной ступени, между тѣмъ, какъ оно можетъ быть подвинуто впередъ гораздо дальше. Дружныя усилія этихъ образованныхъ пчеловодовъ, а особенно тѣхъ, которые, не довольствуясь одними кабинетными умствованіями, практически и долгое время занимались этимъ предметомъ, дѣйствительно поставили пчеловодство на очень высокую степень совершенства.

Вырвавъ его, такъ сказать, изъ рукъ простыхъ пасѣчниковъ и поведя по другой стезѣ, ученые пчеловоды обогатили пчеловодство многими новыми открытіями, создали цѣлую науку пчеловодства, вовсе

неизвѣстную пасѣчникамъ. Но какъ разныя мнѣнія, разныя наблюденія, разныя правила, способы и совѣты этихъ пчеловодовъ породили много разныхъ системъ и способовъ обращенія съ пчелами, противоположныхъ между собою, и до того запутали и затемнили эту науку, что сдѣлали изъ нея неисходный лабиринтъ противорѣчій, сомнѣній и неизвѣстности, гдѣ незнающему трудно отыскать истинный путь: поэтому всѣ желающіе заняться пчеловодствомъ давно уже чувствуютъ крайнюю потребность въ такомъ *руководствѣ*, которое бы, — изобразивъ недостаточность простаго пчеловодства, изобразивъ естественное состояніе и образъ жизни пчелъ, и критически перебравъ всѣ системы и способы, употребляемые и предлагаемые къ употребленію учеными пчеловодами для полученія отъ пчелъ наибольшей прибыли, — указало бы на самый вѣрный изъ нихъ, указало бы такъ просто и ясно, что желающій заняться этимъ предметомъ могъ бы хорошо уразумѣть всѣ его непреложныя правила и смѣло уже идти по указанному пути къ избранной цѣли, не блуждая между разными методами, не сбиваясь отъ противоположности разныхъ мнѣній и не сомнѣваясь въ вѣрности каждаго наставленія. Дѣло уже давно чувствуется всѣми необходимость руководства въ пчеловодствѣ, — и на ученыхъ пчеловодахъ, взявшихъ это занятіе въ свои руки и, къ сожалѣнію, бывшихъ уже причиною столькихъ жертвъ заблужденія въ пчеловодствѣ, давно уже лежитъ непремѣнная обязанность исполнить это важное и полезное дѣло, т. е. составить *руководство къ пчеловодству*. Къ этому они, правду сказать, постоянно и стремятся... Но достигли ли сколько-нибудь своей цѣли?

Обо всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, иностранныхъ сочиненіяхъ о пчеловодствѣ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, можно сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ только *свѣдѣнія* о пчеловодствѣ (разумеется, иногда очень полезныя и необходимыя), или же развиваютъ одну какую-либо систему пчеловодства; но ни одно изъ нихъ, часто не смотря на свое заглавіе, не можетъ сдѣлаться настоящимъ руководствомъ къ пчеловодству, особенно у насъ. Изъ русскихъ опытовъ, рукописное сочиненіе покойнаго Прокоповича и его уроки ученикамъ своимъ, можно сказать, были первымъ руководствомъ въ этомъ предметѣ и положили прочное и вѣрное основаніе науки пчеловодства; но это сочиненіе не было напечатано. Послѣ него, ученикъ его и послѣдователь, Конотопскій купецъ Пономаревъ, издалъ *руководство къ практическому пчеловодству*, гдѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ изложилъ практическую сторону пчеловодства: это руководство, въ настоящее время,

есть наилучшее изъ всѣхъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ объ этомъ предметѣ. Но этому сочиненію недостаетъ теоріи: въ немъ изложены одни факты, безъ сомнѣнія—вѣрные, но факты эти, во-первыхъ, не освѣщены идеями, которыя бы ясно показали ихъ непреложную разумность; а во-вторыхъ—они изложены безъ логической послѣдовательности, такъ, что сочиненіе г. Пономарева, хотя и можетъ быть превосходнымъ руководствомъ къ пчеловодству, но только для человѣка, уже довольно свѣдущаго въ этомъ предметѣ, уже предварительно къ тому приготовленнаго.

Но вотъ недавно вышло разбираемое мною сочиненіе профессора Краузе: *Руководство къ теорическому и практическому пчеловодству*, — заглавіе, означающее, что сочиненіе это обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и должно занять мѣсто наставника. Посмотримъ, насколько это сочиненіе соответствуетъ своему заглавію и, вообще, современнымъ требованіямъ этой науки.

Г. Краузе раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части: *теоретическую*, заключающую въ себѣ естественную исторію пчелъ, вещества и матеріалы, собираемые пчелами, произведенія пчелъ и внутреннее устройство ихъ жилищъ, и *практическую*, въ которой собственно уже излагаются способы обращенія съ пчелами, ихъ разведеніе и полученіе отъ нихъ дохода. Такое раздѣленіе, гдѣ къ теоріи не примѣнена практика, и гдѣ изъ практики исключена теорія, по мнѣнію моему, ошибочно—не только въ наукѣ пчеловодства, но и вообще во всякой наукѣ. Мнѣ кажется, что теорія должна всегда проникать и въ самую практику, съ начала до конца, и не подчиняться ей, а въ ней господствовать: она должна повсюду развить свои основныя положенія, и развить ихъ логически, выводя одну идею изъ другой, и уже около идей группировать факты, принимая вѣрные и отвергая ложные, — критически разобрать и опфнать всѣ практическіе способы, придумываемые для доведенія какого-либо искусства до желанной цѣли, указавъ каждому дѣйствию, каждому правилу, разумную причину, — однимъ словомъ, теорія должна *осмыслить* каждое практическое дѣйствіе, каждое правило, наставленіе, и проч. Такъ должно быть, по нашему мнѣнію, изложено вообще всякое руководство, слѣдовательно и руководство къ разведенію пчелъ. Но если въ сочиненіи подобнаго рода изложено, хотя и подробно, все то, что дѣлаютъ съ пчелами для полученія отъ нихъ дохода, но изложено безъ всякой послѣдовательности, — если въ немъ только сказано, что одни дѣлаютъ это такъ, а другіе иначе, иные объ этомъ думаютъ такъ, а другіе—вотъ-какъ;

но основательно не доказано, почему именно должно дѣлать одно и избѣгать другого, не представлено основныхъ идей пчеловодства, его неизблемыхъ правилъ, критически не разобраны разные его методы и не указаны лучшія изъ нихъ, т. е. не показана разумность каждаго дѣйствія, сообразность его съ основною идеей — съ цѣлью дѣйствія, однимъ словомъ, если изъ практическихъ наставленій исключены теоретическія основанія: — такое сочиненіе, хотя бы и заключало въ себѣ дѣйствительно-полезныя и вѣрныя наставленія, не можетъ, однакожъ, быть руководствомъ для незнающаго, потому что незнающій не пойметъ ни вѣрности правилъ, ни ихъ пользы, не составитъ себѣ ни какой ясной о чемъ-либо идеи, т. е. просто не научится дѣлу, и, слѣдовательно, будетъ блуждать во тьмѣ сомнѣній, нерѣшительности, и на каждомъ шагѣ дѣлать разорительныя для себя ошибки. Таково и разбираемое сочиненіе.

Г. Краузе, составивъ себѣ понятіе, будто подъ именемъ теоретическаго пчеловодства слѣдуетъ разумѣть только описаніе естественнаго состоянія пчелъ, исключилъ изъ практическаго отдѣла своего сочиненія всякую теорію: онъ не изложилъ систематически основныхъ правилъ пчеловодства, не подвергъ критическому разбору обыкновеннаго, простаго, и искусственнаго пчеловодства, не разобралъ различныхъ господствующихъ въ немъ системъ, и не факты группировалъ около идей, а къ фактамъ кое-гдѣ присоединялъ идеи, которыя не будучи одна съ другою связаны никакою общею, главною идеею сочиненія, часто одна другой противурѣчаютъ. Въ изложеніи частей предмета онъ, разумѣется, придерживался кое-какого порядка, неизвѣстно однакожъ на чемъ основаннаго, но порядокъ, хотя бы онъ и былъ хорошъ, самъ по себѣ не есть теорія, а безъ теоріи не можетъ быть и хорошаго порядка.

Чтобы мнѣніе мое не показалось голословнымъ, войду въ нѣкоторыя частности. Въ пчеловодствѣ есть много различныхъ системъ, одна другой противоположныхъ, много разныхъ способовъ обращенія съ пчелами, одинъ отъ другого отличныхъ, различныхъ ульевъ для жилища пчелъ, болѣе или менѣе сообразныхъ съ принятою системой, и проч. Каждый согласится, что составляющему руководство къ пчеловодству нельзя же оставаться ко всему этому равнодушнымъ и быть одинаковаго мнѣнія о каждой системѣ. Мнѣ кажется, напротивъ, что надобно прежде всего составить себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ одной какой-либо системы и руководить къ тому другихъ, а безъ такого убѣжденія не можетъ быть и руководства. Нельзя же говорить только: одинъ дѣлаетъ это *такъ*, а другой — *вотъ-какъ*. Въ такомъ случаѣ, слушающій или уча-

щійся, безъ сомнѣнія, спросить: да какъ же лучше? и не хорошо, назвавшись его учителемъ, отвѣчать: ужъ это не мое дѣло, это вы сами, испытавши, узнаете. — Въ такомъ случаѣ, ужъ если не знаешь, что лучше и что хуже, — не слѣдуетъ и дѣлаться учителемъ, а поэтому-то каждый руководитель, тамъ гдѣ есть нѣсколько противоположныхъ мнѣній, прежде всего долженъ имѣть собственное свое, какое-либо, убѣжденіе. Посмотримъ, имѣетъ ли такое убѣжденіе въ чемъ-либо составитель разбираемой книги.

Изъ разныхъ предметовъ пчеловодства, возьмемъ, напримѣръ, сохраненіе пчелъ во время зимы. По этому обстоятельству составилось два убѣжденія. Одни утверждаютъ, что гораздо лучше сохранять пчелы зимою на открытомъ воздухѣ, другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что лучше сберегать ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ — въ омшаникахъ; и не думайте, что эти убѣжденія основываются преимущественно на условіяхъ климата, — нѣтъ, совсѣмъ на другихъ причинахъ. За первое убѣжденіе крѣпко стоятъ всѣ иностранные пчеловоды; за второе, съ Прокоповичемъ во главѣ, вся Украина. Казалось бы, эти убѣжденія не важны; но вѣдь отъ того или другого убѣжденія зависитъ въ сильной степени и самая метода пчеловодства, а въ особенности одинъ изъ важнѣйшихъ его предметовъ — выборъ улья для своей пасіки, такъ-что тѣ, которые признаютъ лучшимъ держать пчелы на открытомъ воздухѣ, должны употреблять извѣстнаго рода ульи, между тѣмъ, какъ тѣ, кто захочетъ прятать пчелы на зиму въ омшаники, должны ввести у себя уже совсѣмъ другого рода ульи. Какого жъ убѣжденія въ этомъ случаѣ г. Краузе? — Этого онъ и самъ нигдѣ не говоритъ, этого нигдѣ не видно изъ его сочиненія. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ (стр. 309), говоря о зимовкѣ пчелъ въ омшаникахъ, онъ пишетъ: «сдѣланныя, въ 1849 (на 160 дней) и въ 1852 (на 178 дней) годахъ, опыты, въ пасикѣ Горигорѣцкаго Института, оказались довольно удовлетворительны. Пчелы, за исключеніемъ одного семейства, которое погибло, оказались совершенно здоровыми и заносъ, хотя мѣстами былъ покрытъ легкою плѣсенью, былъ въ надлежащемъ порядкѣ, а также замѣтно было начало выведенія молодаго расплода, хотя холодъ въ генварѣ 1852 г. доходилъ до 28°R., при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и продолжался нѣсколько дней. Выбранные для этого опыта сильныя семейства употребили среднимъ числомъ въ первомъ году (въ теченіи 160 дней) каждый около 10 фун., во второмъ году (въ теченіи 178 дней) только 11 фунт. меду на зимнее продовольствіе; между тѣмъ какъ въ ульяхъ, сохране-

»*мыхъ въ паськѣ на открытомъ воздухѣ, и въ подвалѣ, пчелы събли вдвое, нѣкоторые даже втрое, больше меду.*« — Казалось бы, что послѣ такихъ опытовъ не трудно было убѣдиться въ превосходствѣ сохраненія пчелъ зимою въ омшаникахъ (о чемъ пишетъ (стр. 301) и самъ Краузе, совѣтуя для сего устраивать омшаникъ по системѣ Прокоповича), а составивъ себѣ такое убѣжденіе, принявъ его за одну изъ основныхъ идей теоріи пчеловодства, слѣдовало уже, описывая разные роды ульевъ, давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе сообразны съ такою зимовкою пчелъ. Но г. Краузе, напротивъ, въ сочиненіи своемъ только упоминаетъ объ омшаничныхъ ульяхъ, и очень подробно описываетъ теплые и многосемейные ульи Дзирзона и другихъ нѣмецкихъ пчеловодовъ (назначенные, собственно, для зимованія въ нихъ пчелъ на открытомъ воздухѣ), — отдаетъ имъ преимущество предъ всѣми другими, иностранными даже, ульями, не говоря уже о русскихъ, и такимъ образомъ неожиданно обнаруживаетъ, что онъ придерживается того убѣжденія, что гораздо выгоднѣе сохранять пчелъ зимою на открытомъ воздухѣ! — Что жъ это значить?.. То, что г. Краузе не имѣетъ въ этомъ предметѣ никакого собственнаго убѣжденія.

Для доказательства такого отсутствія убѣжденій у г. Краузе, я взялъ только одинъ предметъ пчеловодства, но тоже самое видно и относительно всѣхъ другихъ; можно даже сказать, что г. Краузе хотя и знаетъ, что въ пчеловодствѣ есть разныя мнѣнія, убѣжденія, системы и что, вслѣдствіе разногласія между ними, ведутся споры и ставятъ изучающаго пчеловодство въ большое затрудненіе, но не сознаетъ, что рѣшеніе этихъ споровъ не должно быть чуждо ни одному ученому пчеловоду, а въ особенности — составляющему руководство для другихъ. Мнѣ кажется, что, относительно многихъ предметовъ пчеловодства, оттого до сихъ поръ и существуютъ разныя убѣжденія, что никто еще не постарался основательно разобрать ихъ; но если бъ кто-нибудь изъ образованныхъ практическихъ пчеловодовъ взялся за это важное дѣло и далъ бы этимъ различнымъ убѣжденіямъ, такъ сказать, очную ставку, то истина тотчасъ бы обнаружилась и разность убѣжденій исчезла. Послѣ этого спрашивается: можетъ ли сочиненіе, съ такимъ важнымъ недостаткомъ, быть руководствомъ для человѣка, не имѣющаго никакого понятія о пчеловодствѣ, но желающаго его изучить и имъ заняться? — По моему вышеизложенному взгляду на этотъ предметъ, я думаю, что сочиненіе г. Краузе такимъ руководствомъ быть не можетъ, и что по недостатку убѣжденій, слѣдовательно — и по отсутствію вся-

кого единства, всякой теоріи въ сочиненіи, оно не только не въ состояніи указать, желающему изучить, прямого и лучшаго пути въ этомъ занятіи; но, напротивъ, собьеть его съ толку, запутаетъ и — пожалуй — заставитъ, послѣ разорительныхъ неудачъ, вовсе бросить занятіе пчеловодствомъ.

Для бѣльшаго доказательства, что у г. Краузе нѣтъ теоріи, нѣтъ путеводной идеи въ изложеніи какого-либо предмета пчеловодства, возьму еще одинъ отдѣлъ изъ его сочиненія. Г. Краузе хотѣлъ изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ все тѣ занятія, какія предстоятъ пчеловоду круглый годъ въ его пасикѣ, — мысль прекрасная и столь необходимая въ наукѣ пчеловодства, какъ безъ сомнѣнія г. Краузе и не подозрѣваетъ. Какъ же онъ изложилъ эти занятія, какую положилъ въ основаніе идею, которая бы ясно показывала необходимость каждаго занятія и его своевременность? Для этого г. Краузе, думая только о порядкѣ, а не объ теоріи, принялъ раздѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ, и руководясь нѣмецкими сочиненіями Бейера и Кюенера, составилъ *календарь* занятіямъ пчеловода, гдѣ указалъ — что слѣдуетъ ему дѣлать въ своей пасикѣ каждый мѣсяць!! Но вѣдь мѣсяцы не бываютъ одинаковы во всехъ мѣстностяхъ, и пчелы дѣйствуютъ не по календарю. Въ одномъ мѣстѣ они еще лежатъ въ омшаникѣ, а въ другомъ уже летаютъ по воздуху; въ иномъ мѣстѣ онѣ уже роются, а въ другомъ еще о томъ и не думаютъ, что бываетъ часто въ одномъ и томъ же климатѣ и даже не на далекомъ пространствѣ. Напримѣръ, въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) пасики, находящіяся въ лѣсной мѣстности, начинаютъ роиться съ половины мая и оканчиваютъ роеніе къ іюлю, а въ степной, не далѣе двадцати верстъ отъ первой, въ іюлѣ еще только начинается роеніе. Какимъ же образомъ можно слѣдовать занятіямъ, помѣсячно указываемымъ г. Краузе, когда состояніе пасики не дозволяетъ иногда того занятія, которое предписывается дѣлать въ томъ мѣсяцѣ? Поэтому, для теоретическаго изложенія занятій въ пасикѣ, слѣдовало бы принять въ основаніе не мѣсяцы года, а что-нибудь болѣе основательное, что именно указывало бы на потребность такого, а не другого, занятія, и притомъ вообще во всякой мѣстности; для чего, по мнѣнію моему, было бы самое лучшее избрать основаніемъ внутреннее состояніе пасики и, сообразно ему, указывать уже и на занятія въ ней пчеловода. Лѣтнее состояніе пасики имѣетъ слѣдующіе пять періодовъ: 1-й отъ выставки пчелъ изъ омшаника до видимаго появленія червы въ ульяхъ; 2-й отъ появленія червы до роенія;

3-й роеніе пчелъ; 4-й изобильное собираніе пчелами меда, — такъ называемый *взятокъ*, и 5-й полученіе отъ пасики прибыли и приготовленіе пасики къ зимованію. Въ каждый изъ этихъ періодовъ пчелиное семейство находится въ совершенно иномъ состояніи, отличномъ отъ другаго періода; въ каждый періодъ пчеловодъ имѣетъ особое стремленіе, иную цѣль и слѣдовательно, каждый періодъ требуетъ особыхъ, свойственныхъ только ему, занятій. А поэтому и изложеніе занятій въ пасикѣ по этимъ періодамъ внутренняго ея состоянія было бы, во-первыхъ, самымъ натуральнымъ и логическимъ, а во-вторыхъ, такое изложеніе, основанное на природѣ вещей и необходимости, какъ на основной и вѣрной идеѣ, врѣзалось бы скоро, ясно и неизгладимо въ умъ изучающаго пчеловодство, потому что онъ вдругъ понялъ бы смыслъ и значеніе всякаго занятія, и войдя въ свою пасѣку, взглянувъ на ея внутреннее состояніе, онъ тотчасъ бы зналъ, что ему слѣдуетъ въ ней дѣлать, не справляясь уже какой именно мѣсяцъ на дворѣ: іюнь ли или іюль?

Вотъ мой общій взглядъ на сочиненіе о пчеловодствѣ профессора Краузе. Разбирать въ подробности каждую главу было бы большою работою — это значило бы написать цѣлое сочиненіе о пчеловодствѣ. Скажу только, что кромѣ общаго недостатка теоретическаго изложенія фактовъ, и самые факты не всегда вѣрны. Много помѣщено такихъ правилъ и наставленій, которыя или отвергнуты уже пчеловодами, или же, по своей ничтожности, не были и принимаемы ими; много невѣрныхъ наблюденій, ошибочныхъ сужденій, а если и встрѣчаются вѣрныя и полезныя замѣчанія и свѣдѣнія, то всѣ они такъ перемѣшаны съ бесполезными и ложными, что только люди свѣдущіе и опытные могутъ замѣтить и отличить ихъ; часто самое вѣрное наблюденіе оставляется г. Краузе безъ всякаго примѣненія, а на ложномъ — основываются правила и наставленія, что, безъ сомнѣнія, поведетъ изучающаго пчеловодство по этому руководству къ самымъ жалкимъ результатамъ, если не къ совершенному уничтоженію его пасики. Но что всего досадиѣе, такъ это — пристрастіе г. Краузе къ иностранному пчеловодству и предпочтеніе его нашему. И не удивительно! Слѣды за всѣми иностранными сочиненіями о пчеловодствѣ, даже за самыми маловажными газетными статьями, г. Краузе не только не знаетъ многихъ нашихъ о семъ предметѣ газетныхъ статей, но даже цѣлаго, самаго лучшаго и до сихъ поръ единственнаго у насъ сочиненія о *практическомъ* пчеловодствѣ — кушца Пономарева, чего уже, по мнѣнію моему, никакъ нельзя извинить *русскому* профессору пчеловодства. А при та-

комъ недостаточномъ знаніи литературы нашего пчеловодства, не говоря уже — о самомъ пчеловодствѣ, г. Краузе составилъ все сочиненіе свое большею частію по иностраннымъ сочиненіямъ и, очень естественно, увлекся иностраннымъ пчеловодствомъ и находить въ немъ все достойнымъ нашего подражанія. Такъ, напримѣръ (стр. 246), г. Краузе говоритъ, что способъ дѣланія искусственныхъ роевъ въ особенности усовершенствовалъ Дзирзонъ и на немъ основалъ особую систему пчеловодства, которая въ послѣдніе годы почти повсемѣстно распространилась: между тѣмъ какъ Пономаревъ уже давно превосходнымъ образомъ изложилъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи и, можно сказать, первый далъ всѣмъ пчеловедамъ правильное понятіе объ искусственныхъ рояхъ. Только изрѣдка упоминая о нѣкоторыхъ изъ нашихъ, признанныхъ уже превосходными, ульяхъ, г. Краузе находить улей Дзирзона совершеннѣйшимъ. Не говоря уже о томъ, что улей этотъ вовсе не годится для употребленія въ тѣхъ пасикахъ, гдѣ пчелы зимуютъ въ омшаникѣ, онъ, по моему мнѣнію, гораздо хуже другихъ и для тѣхъ пасикъ, гдѣ пчелы остаются зимой на открытомъ воздухѣ. Не стану разбирать подробно его недостатковъ, но уже одно расположеніе въ немъ сотовъ, (не ребромъ къ открытой сторонѣ улья, а плашмя, такъ что они не вынимаются вверхъ улья, а въ бокъ, въ эту открытую его сторону, отъ чего при разсматриваніи гнѣзда видѣнъ одинъ только сотъ, а ежели нужно посмотреть далѣе, то нужно обрѣзывать и вынимать каждый сотъ особо), — это одно устройство сотовъ уже такая нелѣпость, отъ которой наши пасичники пришли бы въ ужасъ!..

Повторяя, что обнаруженіе всей ошибочности наставленій и невѣрности фактовъ, находящихся въ сочиненіи г. Краузе, повело бы слишкомъ далеко, заключу мой обзоръ замѣчаніемъ, что профессоръ Краузе изучалъ пчеловодство только по книгамъ, и то большею частію иностраннымъ, а практикою занимался очень мало; поэтому, не имѣя въ пчеловодствѣ яснаго и основательнаго знанія, составилъ объ немъ самое сбивчивое и запутанное сочиненіе, которое, повторяю, заключается въ себѣ однакожъ очень много вѣрныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Въ немъ изложена, подробнѣе, нежели гдѣ либо, исторія пчеловодства, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ открытіями и трудами многихъ иностранныхъ пчеловодовъ, которые безъ того могли бы остаться намъ и неизвѣстными. По всему этому, книга г. Краузе, просто какъ сочиненіе о пчеловодствѣ, есть очень полезная книга, въ особенности для его литературы, за которую можно поблагодарить трудолюбиваго профессора, при бѣдности у насъ

сколько-нибудь дѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ; но, какъ *руководство* къ пчеловодству, да еще *теоретическое* и *практическое* — оно никуда не годится, и въ этомъ отношеніи не только не полезно, а даже вредно. Оно не только не можетъ научить дѣльному, правильному пчеловодству, не только не можетъ указать истиннаго пути въ этомъ трудномъ и запутанномъ разными системами знаніи, но, напротивъ, заведетъ неопытнаго въ такую нѣмецкую даль, гдѣ онъ непремѣнно погибнетъ, то есть, броситъ пчеловодство съ проклятіемъ, если только случайно кто-либо изъ земляковъ не выведетъ его въ родную сторону....

..... к і й.

О Т Ч Е Т Ъ

О МОЛОТЬБѢ МОЛОТИЛЬНОЮ МАШИНОЮ, СЪ ЛОКОМОБИЛЕМЪ, ЗАВОДА РАНСОМА И СИМСА.

Въ-виду предстоящаго измѣненія въ условіяхъ обязательнаго труда, замѣтно распространяется у насъ введеніе земледѣльческихъ машинъ. Въ короткое время появились, въ Полтавской губерніи, разныя машины, выписанныя изъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе молотильни съ локомобилемъ.

Въ нынѣшнемъ году я нанялъ такую машину у помѣщицы Полтавскаго уѣзда, Е. И. Абаза, для управляемаго мною имѣнія, въ селѣ Рибцахъ того же уѣзда. Полагая, что сообщеніе добросовѣстныхъ и правдивыхъ свѣдѣній о результатахъ въ дѣлѣ, для насъ еще новомъ, можетъ принести пользу, представляю самый подробный отчетъ о дѣйствіи у меня паровой молотильни. Изъ этихъ свѣдѣній и цифръ и сравненія ихъ съ результатами, полученными другими владѣльцами или нанимателями машинъ, каждый хозяинъ легко можетъ, по своему взгляду и расчету, опредѣлить степень выгоды молотьбы паровою молотильнею.

1) Порядокъ молотьбы.

Намѣреваясь нанять машину, я заблаговременно приказалъ сложить наибольшую часть хлѣба на самихъ поляхъ, въ скирдахъ, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой и въ одинъ рядъ, дабы съ большею удобностью и успѣшностью передвигать машину. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ сложенъ въ пяти мѣстахъ.

Машина начала дѣйствовать 31-го августа, кончила 24 сентября. За исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и ненастныхъ дней, а также времени, потребнаго для перевозки машины съ одного мѣста на другое, она была въ дѣйствіи всего 18 дней.

Въ 1-мъ, 2 и 3 мѣстѣ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи,
въ теченіи 12 дней, сбито:

ржи	»	»	616 копъ
озимой пшеницы	»	»	698 —
яровой пшеницы	»	»	270 —
голаго ячменя	»	»	36 —
			1,620:

въ день по 135 копъ.

Въ 4-мъ мѣстѣ, въ 2 дня,

яровой пшеницы	»	»	180 копъ
ржи	»	»	85 —
			265:

въ день по $132\frac{1}{2}$ копы ⁽¹⁾.

Въ 5-мъ мѣстѣ, въ 4 дня,

яровой пшеницы	»	»	131 копъ
ячменя	»	»	359 —
овса	»	»	311 —
			801:

въ день по $200\frac{1}{4}$ к.

Итого, въ общей сложности 18 дней — 2,686 к.

въ день по $149\frac{13}{60}$ к. ⁽²⁾

2) Процессъ молотбы и количество работныхъ.

При машинѣ находился постоянно машинистъ и два работника г-жи Абаза: *одинъ работникъ* имѣлъ исключительную обязанностію управлять топкою и наблюдать за чистотою машины, *другой* занимался безпрерывно подливкою масла въ разныя части машины, при ея дѣйствіи.

⁽¹⁾ Въ эти два дня машина дѣйствовала слабѣе, вслѣдствіе обнаружившейся порчи, которая потребовала потѣмъ цѣлаго дня для исправленія.

⁽²⁾ Не могу представить отчетливаго свѣдѣнія о томъ, сколько именно и какого хлѣба вымолачивала машина; ибо хотя скирды были сложены счетомъ копень, но большею частію выходило такъ, что въ одинъ день кончалась одна скирда и начиналась другая; считать же снопы при подачѣ на машину, невозможно, по быстротѣ работы. Но и изъ представленныхъ цифръ обнаруживается ясно, что вымолачивается въ день болѣе ячменя и овса, чѣмъ прочаго хлѣба.

Ежедневно, не менѣе 26 мужчинъ и 8 женщинъ, были распределены слѣдующимъ образомъ :

	мущ.	женщ.
на скирдѣ, для подачи сноповъ	4	»
на платформѣ, для бросанія сноповъ подъ молотильный барабанъ	4	»
для переноски мѣшковъ съ вымолоченнымъ зерномъ .	2	»
для приборки <i>половы</i> (мякины) и <i>сбоины</i>	2	»
для отвоза зерна въ опредѣленные къ тому помѣщенія	2	»
водовозъ	1	»
для уборки соломы	11	7
кухарка.	»	1
	26	8

Но число рабочихъ, по мѣрѣ возможности, иногда прибавлялось для большей успѣшности въ уборкѣ соломы, такъ-что въ общей сложности было въ работѣ мужчинъ 500, женщинъ 158,—что составляетъ въ день мужчинъ $27\frac{7}{9}$, женщинъ $8\frac{7}{9}$.

3) Издержки.

Здѣсь я долженъ предпослать одно замѣчаніе: по моему, слѣдуетъ раздѣлить эти издержки на необходимыя и такія, которыя составляютъ послѣдствія молотѣбы и необходимость которыхъ зависитъ отъ личнаго уемотрѣнія каждаго хозяина.

Машина Рансома и Симса, бывшая у меня въ дѣйствіи, имѣетъ 6 силъ; она только провѣваетъ хлѣбъ, но не сортируетъ и не очищаетъ. Провѣвка хлѣба гораздо удовлетворительнѣе вѣянья лопатами, ибо въ зернѣ не остается не только кусочковъ земли, какъ это бываетъ при вѣяньи въ клунахъ и на гумнахъ, но и ни малѣйшей пыли. Но по причинѣ быстроты и силы дѣйствія машины, попадаютъ въ вывѣянное зерно кусочки соломы, колоски (сбоины), такъ-что, для окончательнаго приведенія зерна въ должный видъ, необходимо пропустить его на ручную сортировку, которая весьма легко—двумя рабочими—очищаетъ въ день отъ 45 до 50 четвертей въ такомъ видѣ, какого только можетъ требовать самый внимательный хозяинъ.

Такимъ образомъ, издержки, которыя я называю необходимыми, были слѣдующія:

а) на процессъ молотбы:

Подводъ съ рабочими для перевозки машины отъ г-жи Абаза (по 3 пары воловъ подъ царовикъ и машину и 1 для инструментовъ, наковальни и проч.) на два дни: 14; по 50 к. 7 р. — к.

Работниковъ наемныхъ по 25 к. до 1-го сентября и по 20 съ 1-го сентября: 200 43 » 15 »

Артельщику при наемныхъ солдатахъ 3 » 5 »

Барщины: при молотбѣ мушницъ по той же цѣнѣ, какъ и наемные: 300 61 » 45 »

Женщинъ по 12 к.: 158. 18 » 96 »

Дроворубовъ по 20 к.: 20 4 » — »

Подводъ для возки воды и перевозки зерна съ поля по 50 к.: 79 39 » 50 »

Подводъ для перевозки машинъ съ одного поля на другое по 50 к.: 7 3 » 50 »

Дровъ 10 кубич. сажень по 12 руб. 120 » — »

Масла подсолнечнаго 2 п. 36 ф. 18 » 32 »

Оливы 1 п. 39 ф. 20 » 70¹/₂ »

Свѣчнаго сала 28 ф. 3 » 33 »

Провизіи работникамъ ⁽¹⁾ и машинисту на 77 » 74 »

Итого 420 р. 70¹/₂ к.

Приходится на копну. . . — » 15⁵/₈ »

б) для очистки зерна:

Барщины: мушницъ — 54 10 » 80 »

женщинъ — 10 1 » 20 »

На сумму. . . 12 р. — к.

Приходится на копну. . . — » 6¹/₁₃ »

Сверхъ того, заплачено за наемъ машины по 10 к. отъ конны; такимъ образомъ, общая стоимость обмолота конны, съ провѣвкой и очисткой зерна, составляетъ. . . — » 26¹/₁₁ »

⁽¹⁾ Такъ-какъ работа производилась въ полѣ, вдалекѣ отъ жилья, то я нашелъ необходимымъ продовольствовать и барщинныхъ работниковъ, и сверхъ того, во вниманіе къ непривычной работѣ, требующей особой быстроты и проворства, всѣмъ мужчинамъ я давалъ за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ водки.

Издержки послѣ обмолота машиною заключаются въ провѣвкѣ половы и переборкѣ сбойнѣ, такъ-какъ въ томъ и другомъ остается довольно зерна. Это происходитъ 1) оттого, что сильное дѣйствіе вѣялки отбрасываетъ легкія зерна, какъ это бываетъ и при обыкновенной вѣялкѣ лопатою на вѣтрѣ; 2) при бросаніи сноповъ со скирды на машину высыпается весьма много зерна, особенно когда хлѣбъ бываетъ такъ сухъ, какъ онъ былъ въ нынѣшнемъ году. Все выпадающее отъ этихъ двухъ причинъ зерно по необходимости должно быть замѣтаемо вмѣстѣ съ половиною.

На провѣйку половы, переборку сбойнѣ и очистку зерна употреблено:

Наемныхъ муштинъ 49; по 20 к. 9 р. 80 к.

Продовольствіе наемныхъ 2 » 70 »

Барщины: муштинъ 145; по 20 к. 29 » — »

женщинъ 25; по 12 к. 3 » — »

Подводъ для перевозки съ поля полученнаго зерна: 9. 4 » 50 »

Итого 49 р. — к.

Приходится на копну. 1 » $1\frac{11}{3}$ »

Всего, съ предыдущимъ расходомъ, обошлась обмолотка кошны, съ полною очисткою въ. — 27 $\frac{25}{26}$ »

4) Степень удовлетворительности обмолота.

Я нашелъ, что молотильна Рансома и Симса вымолачиваетъ совершенно удовлетворительно; причемъ я вполне убѣдился въ томъ, что удовлетворительность обмолота зависитъ, во-первыхъ, отъ чистоты хлѣба, а во-вторыхъ—отъ правильной подачи сноповъ на барабанъ. Чѣмъ хлѣбъ чище, т. е. чѣмъ менѣе въ немъ сорныхъ травъ (пашистая солома) и чѣмъ правильнѣе колосьями внизъ подаются снопы подъ барабанъ—тѣмъ менѣе зерна въ половѣ и тѣмъ менѣе отбивается невымолоченныхъ колосьевъ. Изъ этого я заключаю, что ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что для выигрыша времени можно молотить хлѣбъ по мѣрѣ его уборки, безъ связыванія въ снопы. Если, съ одной стороны, дѣйствительно выиграется время, нужное для вязанія сноповъ и перевозки ихъ къ скирдѣ, то съ другой, потеряется гораздо болѣе времени, какъ при самой молотбѣ, отъ меньшаго количества ⁽¹⁾ смолоченнаго въ день хлѣба, такъ и при уборкѣ послѣ молотбы.

(¹) Меньшее количество произойдетъ неминуемо оттого, что никогда работникъ не захватитъ сразу такое количество стеблей, какое составляетъ связанный мѣрный снопокъ, мгновенно развязанный и цѣликомъ поданный подъ барабанъ.

Степень удовлетворительности молотбы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Сортъ хлѣба.	Число сби- тыхъ копенъ	Слѣдо- вало по- лучить по про- бѣ	Получено		Итого	Полу- чено сверхъ того о- чистки на сор- тировкѣ
			Съ ма- шины	Послѣ провь- ки по- ловы		
		четв.	четв.	четв.	четв.	четв.
Ржи	701	370	335 $\frac{1}{2}$	33	368 $\frac{1}{2}$	—
Пшеницы озимой красной. . .	219	109 $\frac{1}{2}$	94	15	109	1
Пшеницы озимой гирки . . .	479	262	225	13 $\frac{1}{2}$	238 $\frac{1}{2}$	10
Пшеницы яровой красной. . .	131	52 $\frac{1}{8}$	52 $\frac{1}{4}$	7 $\frac{1}{2}$	59 $\frac{7}{8}$	—
Пшеницы яровой красной другого сорту	450	161	162 $\frac{7}{8}$	19 $\frac{1}{2}$	182 $\frac{5}{8}$	12 $\frac{5}{8}$
Ячменя	359	179 $\frac{1}{2}$	140 $\frac{1}{2}$	54 $\frac{1}{2}$	195	—
Ячменя голаго.	36	20 $\frac{1}{8}$	12	8	20	—
Овса	311	183 $\frac{2}{3}$	154	18	172	— ⁽¹⁾

Цифры четвертой графы могутъ объяснить сказанное мною выше объ издержкахъ, предоставляемыхъ личному усмотрѣнiю cadaго хозяина; т. е. слѣдуетъ или не слѣдуетъ тратить время и издержки на вѣяние половы. Мнѣ кажется, что сравненiе цѣнности полученнаго изъ провьяной половы зерна съ стоимостiю этой работы, говорить въ пользу оной. Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, во-первыхъ, что когда хлѣбъ остается долгое время немолоченымъ, то утрачивается немало зерна отъ за-

(¹) 1) Очистка могла быть приведена въ настоящую извѣстность въ нѣкоторыхъ сортахъ пшеницы, въ которой былъ куколь, и съ которымъ отошла и часть мелкаго зерна; въ прочихъ же сортахъ хлѣба, очистка состояла изъ мелкихъ колосьевъ и нѣкоторыхъ сорныхъ сѣмянъ; приводить въ извѣстность этотъ соръ не стоило труда. — 2) Разница полученнаго количества зерна, въ сравненiи съ пробами, можетъ быть отнесена къ неточности самихъ пробъ; — совершенно допускаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваю: много ли у насъ хозяйствъ, гдѣ количество зерна, полученнаго по обмолотѣ, соответствуетъ вполнѣ расчету по пробамъ? — 3) Голый ячмень, по мнѣнiю моему, недоступенъ для молотбы паровою машиною. Онъ чрезвычайно твердъ для молотбы; быстрота и сила барабана отбиваетъ колосья, весьма крохкия, и они выбрасываются вмѣстѣ съ половию (мякиною); пропорцiя зерна, вывѣяннаго изъ половы, показываетъ справедливость этого замѣчанiя. — 4) Всѣ издержки молотбы составляютъ, на четверть полученнаго хлѣба, 56 $\frac{1}{7}$ коп.

мокшихъ верхнихъ сноповъ скирды, и столь у насъ частаго мышеѣду, а во-вторыхъ, чрезъ оставленіе зерна въ половѣ увеличивается достоинство сей послѣдней, какъ корма весьма у насъ употребительнаго для рогатаго скота, свиней и лошадей. Но я думаю, что все же выгоды получить, за незначительныя издержки, отдѣльно зерно и отдѣльно полову, и потому если угодно, давать зерно въ кормъ съ расчетомъ, а не какъ пошло, съ половиною. При томъ изъ представленной таблицы видно, что ячменя, который чаще всего употребляется въ кормъ рогатому скоту и свиньямъ, остается слишкомъ много въ половѣ; это происходитъ отъ крохости его колосевъ, легко отбиваемыхъ барабаномъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и цифръ, всякій хозяинъ, который ихъ прочтетъ, можетъ сдѣлать свой расчетъ о выгоды или невыгоды молотѣбы паровою молотильною и сравнить, на основаніи существующихъ въ извѣстной мѣстности цѣнъ рабочимъ, съ молотѣбою ручною, или съ конноприводными молотильными. Я считаю только въ этомъ случаѣ необходимымъ добавить, для правильности расчетовъ cadaго, слѣдующій выводъ: Если въ расчетахъ моихъ съ мелочною подробностію показаны всѣ издержки на молотѣбу, то справедливость требуетъ оцѣнить и тѣ сбереженія, которыя доставляетъ молотѣба паровой машиной. Сбереженія эти заключаются: во 1-хъ, въ значительномъ уменьшеніи подводъ для перевозки хлѣба въ гумна, какъ бы они ни были отъ полей близки; во 2-хъ, въ избѣжаніи издержекъ на сушку зерна, ибо, бывъ мелочено въ сухое время, оно можетъ сохраняться продолжительное время безъ сушки; въ 3-хъ, въ сохраненіи всего того количества зерна, которое теряется въ скирдахъ отъ непогоды, снѣжныхъ наметовъ и мышеѣду.

И такъ, предоставляя каждому дѣлать свое заключеніе о выгоды или невыгоды молотѣбы паровыми машинами, я, съ своей точки зрѣнія и по своимъ убѣжденіямъ, признаю за такою молотѣбою несравнимыя ни съ какимъ другимъ способомъ выгоды. — Выгоды эти я не ограничиваю вышеприведенными тремя пунктами; въ моихъ понятіяхъ онѣ заключаются наиболѣе въ своевременномъ и въ наилучшемъ приготовленіи продуктовъ, въ возможности дѣлать заблаговременно вѣрныя, не на однихъ пробахъ основанные расчеты и бюджеты на цѣлый годъ, въ приготовленіи, за-время, въ сухомъ, свѣжемъ видѣ разныхъ сортовъ соломы, что такъ важно для правильнаго корма рогатаго скота и овецъ, и наконецъ—что всего важнѣе: въ сбереженіи времени. Мы не привыкли еще, при существующихъ нашихъ хозяйскихъ порядкахъ, давать настоящую цѣну драгоценнѣйшему изъ капиталовъ: времени, ка-

плату, котораго никакими другими замѣнить не возможно. А между тѣмъ представленныя мною цифры, не показываютъ ли убѣдительнѣйшимъ образомъ, какое сбереженіе времени доставляетъ молотба паровою машиною. Сколько дней пришлось бы молотить и вѣять смолоченный и вывѣянный мною хлѣбъ въ 18 дней, если бы количествомъ рабочихъ, употребленныхъ при первой молотильнѣ, нужно было обмолотить хлѣбъ цѣпами или даже на обыкновенныхъ молотильныхъ; или—какое потребовалось бы огромное количество рабочихъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ обмолотить и прибрать 2686 копенъ въ 18 дней!

Заклѣчу мой отчетъ выраженіемъ другихъ желаній:

Первое, чтобы хозяева, испытавшіе, въ гораздо большемъ нежели я размѣрѣ, молотбу паровыми машинами, сообщили также свои отчеты. Весьма интересно и поучительно было бы имѣть возможность сдѣлать сравненія и заимствовать тѣ приспособленія, которыя, при болѣе продолжительномъ употребленіи машинъ, могли быть указаны опытомъ, для уменьшенія издержекъ и ускоренія самой работы. Конечно, употреблялись разные сорта топлива: каменный уголь, навозный кирпичъ, стебли подсолнечниковъ; весьма любопытно было бы имѣть сравненіе количества разныхъ сортовъ топлива, необходимаго для дѣйствія машины въ данное время. Не менѣе интересно и сравненіе дѣйствія разныхъ машинъ, ибо въ Полтавской губерніи есть и машины Клейтона, и машины Французскія и Бельгійскія.

Второе, чтобы явились предприимчивые люди съ капиталомъ, которые бы завели у себя нѣсколько машинъ для найма желающимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на спросъ не было бы недостатка, и я полагаю, что такое предпріятіе доставило бы немалыя выгоды владѣтелю машинъ. — Но объ этомъ второмъ моемъ желаніи я намѣренъ поговорить подробнѣе въ отдѣльной статьѣ; теперь же только прибавлю, что г-жа Абаза, имѣя двѣ машины, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, безпрепятственно къ ней поступающимъ; что въ числѣ нанимателей было, въ нынѣшнемъ году, нѣсколько козаковъ, имѣющихъ разнаго рода хлѣба отъ 100 до 200 копенъ и что за наемъ машины охотно платили по 15 коп. отъ кошны.

М. Бѣлуха-Кохановскій,

помѣщикъ Полтавской губ.

1 декабря 1860.

Полтава.

ЛИСТІІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ П.

Пославъ я, добродію, до васъ первий свій листъ, та й схаменўся: що жъ, якъ ви за городі устўнитеся, що й безъ нихъ на світі не можна, — що тоді я вамъ одвітуватиму? Справді, якъ-би городі не захистили сілъ и хуторівъ, то якъ би хуторі й села стояли? Спасїбі їмъ за се, що вони селянамъ и хуторянамъ захистъ давали, якъ щє всюди було пусто й діко. Шкода тільки, що дуже дорого зъ насъ за сю послўгу брали; бо, одбиваючи одъ насъ ворогівъ нашихъ, не съ ко́го, якъ изъ насъ же, вони ору́жний лю́дь набра́ли, не съ ко́го, якъ изъ насъ же, є́го харчува́ли, не на ко́го, якъ на насъ же, посто́емъ є́го напуска́ли.

Розберіть лишъ, добродію, почáтокъ городівъ у давню давнину́ німецьку й славя́нську. Що воно́ такє́ бу́ло? Хто въ нихъ засївъ и якє́ лі́хо ми одъ нихъ терпі́ли! Лү́чче бъ воно́ й не сні́лось намъ — такє́ въ насъ ко́илось, отъ хоть би́ й за Варя́гівъ. Не де́сять, не два́дцять ро́ківъ городі насъ руйнува́ли и, мовъ те поло́хане ста́до, съ кутка́ въ ку́токъ по Вкраї́ні гавя́ли. Тільки що ми, селя́не та хуторя́не, нічо́го не записува́ли, тимъ воно́ й пішло́ все те въ непа́м'ятъ, яко́го ми лі́ха, яко́ї нару́ги одъ городя́нъ дознава́ли; а вони́-то, бачъ, куди́ якъ пи́шно на папе́рі слєбізува́ли, що ось бо ся́кий та та́кий кня́зь изъ дру́жїною и во́ї сво́їми на чу́жі зе́млі хо́ждаше, городі́ й села́ воюва́ше, ось бо му́ри ко́штвні́ созида́ше, лі́по́тою облека́ше и хвалу́ Бо́го-

ві воздававше. Ато ще устáвами своїми зáчнуть на папéрі величатися та сýдвими гра́мотами та номокано́нами, що безъ нихъ не зуміли бъ ні розміжувáтися, ні розсуді́тися, ні зійт́ися, ні розі́йтися, та щó! и зовсѣмъ би дýрнями безъ городя́нь зостáлися. У городáхъ и купецтво, у городáхъ и ремѣство, у городáхъ и на́ука собі зъ дáвніхъ давѣнь сідало ма́ють. А якá всѣмý томý цінá налóжена, те вже нехáй оди́нь Господь раху́е.

Якъ вамъ, добродію, зда́ється: чи одна́ково въ мáчухи, якъ и въ мáтери? Оцѣ жъ насъ, селя́нь та хуторя́нь, ви́кохавъ назва́ний ба́тько — го́родъ, въ тяжкій невóлі, та ще й дáки одъ насъ вимага́е: мовля́в, безъ мѣне д́икимъ би звиря́кою селя́не скита́лись; ато ба́чте, якъ га́рно Бо́гу їхъ моли́тися пона́учува́в, и який гарний поря́докъ сýдний повво́днѣв, и яку лю́бу осві́ту наро́дню скрі́зь розпо́стѣр!... О, бо́дай тебѣ, старі́й ка́верзнику! Все вже ти собі загáрбавъ; не д́умай же и въ мисля́хъ собі то́го не поклада́й, що во ві́ки ві́чні ми въ те́бе підъ опе́кою зоста́вaтимемо́сь. Ти, старигáне, своѣ ді́ло зроби́в до конця́, и самъ почина́ешъ свого́ анахроні́зму догляда́тися, тільки, що го́лосно призна́тися передъ істо́риєю сорóмися. Онъ уже́ въ Брюсселі́, въ Ба́зелі́, въ Москві́ та й по дру́гихъ ста́ро-сві́тськихъ тверді́няхъ, де бу́ли валі́ и рові́ оборо́нниі, тамъ сади́ понаса́жувані́. Де со́тні й ти́сячі люде́й па́дали, тамъ весѣ́ла тепѣ́р ді́творá бігае. Хиба́ жъ се не озна́ка, що старі́й дідъ-го́родъ свій ві́къ зви́кува́в? Ні́чого більшъ ё́му робі́ти.

А що прогрѣсомъ, городя́не, велича́етесь, то ми томý прогрѣсу ці́ну зна́ємо. Ти́сячу ро́ківъ ви въ насъ торгі́ завoдите, а на чо́му вони́ верта́тця? Куди́ якъ далѣ́ко лю́дськoсть ви свої́ми торга́ми дві́гнули!... Ти́сячу ро́ківъ суді́ ви въ насъ на Вкраї́ні сýдите, а въ ко́го біль́ше пра́вди: чи въ пер́вого Варя́га, що на полю́ддя зъ го́рода вийшовъ, чи въ послі́днёго ва́шого спра́вника, що на слі́дствіе ви́хавъ?... Ти́сячу ро́ківъ пропові́дуєте ви у свої́х мýрахъ конто́внихъ любóвъ и миръ, — чи біль́ше жъ у васъ любóви й мі́ру, ані́жъ бу́ло у тихъ прoстихъ Славя́нь, що сла́вили въ гая́хъ и на житáхъ недові́дoмого імъ ласка́вого и щѣ́драго Бо́га?...

Ми не говoримо, що до́бримъ лю́дямъ грі́хъ вели́кою грома́дою збі́ратися, на вели́кі ярмаркі́ збі́зжáтися, вели́кі буди́нки будувáти и вся́ку мехáніку гурто́мъ видумувáти, форте́ці по узграниця́хъ стрóити, фло́ти споружáти, акадѣ́мні завoдити, кни́ги, папѣри

у добрихъ схованкахъ про дальші роди ховати. Ми тільки протівъ тихъ городівъ листіі пишемо, которі, якъ отъ и въ насъ на Україні, не знають по-якому постаїли, та й до добра нічого не подоводили, а тільки людьмъ розумъ звязали и по своїй уподобі жити заборонили. Голосно ми на свою браттю хуторянъ покликуємо: »Әй, хуторяне, панове браття! люде свіжі, незатуманені, и одъ праведного Бѣга не одведені! не кїдайтесь ви на ту оману городянську, котора вже тисячу рѣківъ кози въ зѣлоті вамъ показує. Побудьте ще хочъ изъ сотню рѣківъ такимъ людомъ, якимъ сохранивъ васъ Господь до сѣго дня святаго. Подождіте кращого ладу, небожата. Мѣже, ви й самі городі собі побудуете и нові звичаї въ нихъ позаводите, тільки не такі, якъ теперъ скрізь по городахъ, мовъ та зинѣвать степова, коренятця. А сї вже городі нехай собі стоять и, безъ вашого грѣха, своє діло рѣблять, и до свого конця доходять.« Отъ наша заповідь и вся наша наука.

Багато людеї письменнихъ зъ неї кепкуватите, и прогрессомъ, и тимъ, и симъ намъ дорікатите, та дарма. Мѣже, ви, землякі мої любі, того й не почуете, бо тїі прогресисти понашому не втнуть: вони собі ягусь неподѣбну мѣву въ городахъ повисїжували, та й ламлють підъ неї людський розумъ зъ малѣго малства. Коли жъ дочуетесь, що сї добродіі обскурантизмомъ лаютьця, що нїби-то, по моїй науцї, въ обскурантизмі чоловікові спасіння, то й тутъ ви їмъ віри не дїймайте. *Одну* книжку я вамъ пораявъ, — правда, що одну; такъ у тїй же книзці ввесь дрѣвній миръ умістився. Нехай вони се розберуть по субѣтамъ, та й на те вважять, що та книжка дала вікамъ грядущимъ великий завітъ святаї волі, которого ще нї одна городянська громада не вїповнила.

Вїповнимо жъ хочъ ми єго, селяне та хуторяне! Тамъ и нагорода показана тому, хто зрозуміє їстину, — найкраща, найбільша нагорода на землі: бїльшої нїхтѣ не пожадає и не вїдує. Такъ який же се обскурантизмъ, коли я ражу вамъ науку, за котору великий Учитель проливъ свою кровъ непорѣчну, та й намъ заповідавъ жизнь свою за слово їстини оддавати? Зрозумійте тільки, що такє їстина. Городі вамъ її не вїявлять, бо вже до двохъ тисячъ рѣківъ берѣтця, якъ вони її затуманюють. Величаютьця своїми архітектурами, та живописами, та театрами, та музиками и поезією, а того й не збагнуть, що все те искүство ве-

ліке служить найбільш людській гордіні та розкоші, и що вже не народъ править художниками, а блискуча купа людей легкодушнихъ, котрі знають тільки восторги ніги нікчемнѣй и не розуміють восторгівъ великої праці, кривавого поту за людське благо. Не завидуємо ми ні городянськимъ дивамъ великимъ, ні городянському комфорту; бо що намъ по тому всьому, коли въ городяхъ тільки сота доля Божого люду живе въ достаткахъ и всімъ тими дивами користується, а тисячі голівъ людськихъ, якъ риба объ лідъ побиваються, и розумъ їхъ, якъ та дитина въ чужої матері, чучверіє, и протівъ простого, свіжого розуму сільського чи хуторянського не встоїть. Ми ще й такъ скажемо, що нехай би ваши художества великі й не процвітали; нехай би не було ні Парєєнону, ні Петрової церкви; нехай би вся земля селомъ стояла, то щожъ за біда така? абі людамъ не важко було на світі жити. Не про що й дбати годилось би, — такъ намъ здається. А про науку правди всемирнѣй, котрою городі пишніють, ми скажемо, що вона й безъ городівъ би обійшлася. Хибѣ жъ не ради городянськихъ вашихъ порядківъ замовкли въ вашихъ Римѣхъ и Византіяхъ Соократи й Платони? Коли вони ваши діти, такъ на що жъ ви своїхъ дітей дүшите? А великого Учителя всемирнѣго за що замучено? Ви люде письменні й друківані, то нічого вамъ широко речи про те розводити. Ви добре знаєте, якимъ нікчемнимъ мотлохомъ закидали ваши прапращури святую науку істини, котору великі дүхомъ люде передавали одинъ другому, и якъ ви одвучили око-людське одъ того світу, котрий ишовъ въ історіі всемирній поперѣдъ народівъ, ховаючись одъ недолодківъ—то въ мійні, то въ притчи, то въ веселі игрища, то въ понурі ночні тайни, то въ віковічні пергаменти, — такъ одвучили, що якъ одкидаешъ той мотлохъ и покажешъ праведне слово такъ, якъ воно вийшло съ праведнихъ устъ, самі ви дивуетесь, якъ-то воно въ таку далєку старовину такъ ясно та сміливо змішлено, такъ далєко засягнуто! Еге, то-то бо!... Чомъ же ви не згодитесь на мою дүмку, що безъ городівъ и їхъ порядківъ тіі великі дива, котрими ви величаєтесь, явили бъ у собі ще більшу силу дүху людського? Ну, та дарма; оставайтесь собі при своїй городянській філософії, а намъ дозвольте нову селянську філософію проповідати, взявши її прямісінько съ тої книжки, котору сотнями роківъ

великіє городи зату́мано́ють, та й до́сі не зату́мани́ли. Робіть ви своє діло, панове, а ми своє робитимемъ; а тамъ уже́ колись, у ві́кахъ гряду́щихъ, лю́де побача́ть, ко́му зъ насъ за нау́ку й пра́цю дякува́ти.

Отсе́ жъ ми вкло́няємось ва́мъ низе́нько за все те добро́, ко́торого ми одъ васъ дозна́ли; забира́емо до се́бе въ про́сті хати́ великі́ мислі́, ко́торі́ ви въ своїхъ му́рахъ зъ да́вніхъ ві́ківъ пере́ховали́. Чи въ висо́кихъ спі́вахъ ті́ мислі́ спасе́нні, пра́ведно лю́дські́, до насъ одъ лю́дей дре́вніхъ подохо́дили, чи про́зою ма́лєвни́чою на́мъ їхъ перека́зано; чи въ філосо́фській наго́ті їхъ мі́рові я́влено, — ми все те собі до-ку́пи зобга́ли и въ хата́хъ своїхъ, на нау́ку мо́лодшимъ, пере́ховуемо́. А ва́шу пиху́ та ро́скішъ та невпо́кійну мо́ду покида́емо въ горо́дахъ и на-ві́ки то́го добра́ зрі́каємось. По́ки васъ бу́де поганя́ти ся тро́йчата ха́лепа, не жди́те насъ до гу́рту. И архіте́ктурні́ дива́ собі буду́йте, и ма́люва́ннямъ обста́вляйтесь, и о́перами втіша́йтеся, и просві́ща́йтесь горо́дяньско́ю квітча́стою поезі́єю, и нау́ки но́ві до ста́рихъ виду́муйте, и гро́ші зъ всього́ сві́ту у свої́ скарби́ горні́те, и въ ла́сопахъ купай́теся, — нічо́го то́го ва́мъ не боро́нимо, аби́ ви на́мъ не боро́нили сво́ю нау́ку помі́жъ се́бе ші́рити и до погі́белі́ свій сві́жий лю́дь не допу́скати́. Якъ же на́стане таке́ вре́мя, що съ хатъ, а не съ па́мать, за́чнуть вели́кі́ сү́дді́ худо́жества́, нау́ки та й са́моі́ пра́вди́ мислькóі́ вихо́дити, — отто́ді́ ми до гу́ртовóі́ робо́ти кінемо́сь и, мо́же, въ оди́нь ві́къ бі́льше ді́ла вели́кою гро́мадо́ю вробі́мо, ані́жъ ви въ де́сять ві́ківъ ма́ло́ю уробі́ли.

Вонó-то не яка́ бі́да и ва́шу словесно́сть пере́читувати́, и до васъ у горо́ді́ наві́дуватись, тільки́ не тре́ба ва́мъ по́вної ві́ри дава́ти, а сво́го хуторськóго сма́ку й ро́зуму тре́ба приде́ржуватись. У насъ по хутора́хъ ба́гато є́ лю́дей, ко́торі́ бува́ли всю́ди по сві́тахъ, и про́ Шекспі́ра, такъ якъ про́ рідного́ дядька́, зъ ва́ми розмовля́тимуть, а про-те́ беззако́нної ро́скоши й пихи́ въ ху́торі́ свої́ не пуска́ють и лю́дей неписьме́ннихъ до не́ї не ва́блять. Тимъ-то й я оце́, взявши́сь до писа́ння листі́въ на всю́ Украї́ну, ра́ю земля́камъ свої́мъ коха́нимъ одъ ті́ї ха́лепи о́стерега́тися. Коли́ до вподо́би ко́му́ чужозе́мня кві́жка, чита́й її и зна́й, якъ що́ на сві́ті́ ді́єтця. Коли́ чолові́къ чужозе́мний въ ха́ті́ тра́пниця́, розмовля́й зъ нимъ и про́ вся́чину роспи́ту́й. Коли́ й са́мому лу́-

читця заіхати въ далёкі сторони, — обомá ушіма слухай и очі-
ма дивісь, щó вонó й якъ тамъ дієтця; а ледащіці моди въ ху-
торі не приво́зь, волю свою шануй и въ городя́нську нужду че-
резъ ро́скішъ не вскакуй. Хочъ же бъ и всі ви поробілись пись-
мёнными и, якъ тамъ ка́жуть, просвіщёнными; хочъ би книжкі
німе́цькі такъ якъ спра́жні Німці почитували, а про-тё сво́єі мо-
ви рідної и свого́ рідного звичаю вірнимъ се́рцемъ держіте-
ся. Тоді зъ васъ б́удуть лю́де якъ слі́дъ, — тоді зъ васъ б́уде
грома́да шанóвна, и вже на такú грома́ду ніхто́ сво́єі ла́пи не
нало́жить.

Хуторянінь.

ЗНАЙДЕНИЙ НА ДОРОЗІ ЛИСТЬ.

Изъ г. Острога. 1847, Лютого 28.

Якъ проїдешъ за Кїївъ верстовъ сто, и почнешъ икъ Волині зближати́ся, з́аразъ постережешъ, що пішла передъ тобою одмінна одъ нашої сторон́а. Поглянь по город́ахъ, по міст́ечкахъ, — усю́ди вд́арить тебе́ слі́дъ Русько-Польської старосв́и́щини, и ознаки нов́ого порядкува́ння. Горби́ одъ дав́ніхъ та́борівъ и городови́хъ валівъ, руїни па́нськихъ за́мківъ, зпустоша́ли костёли, занеха́нні и обколупа́ні непого́дою буди́нки-кам'яни́ці, — по вс́ему то́му розу́мно подоро́жнёму, що тутъ ко́лись горожа́нність при́няла́сь бу́ла міжъ лю́домъ твёрдо, та ма́бу́ть сто́яла не на вс́і́хъ чотирёхъ, що не вд́ержалась....

Під́їздячи до Радоми́сля, вс́я́ке, в́ь ко́го е́сть о́чі, щоб́ь ба́чити, спита́ється: »Що́ то чорні́е вели́чє́нне міжъ буди́нками? Чи то зоста́нокъ яко́ї тверди́ни, чи руї́на яко́го буди́нка безъ кри́ши?« Ні, то не зоста́нокъ, а тілько́ почáтокъ кателі́цької кате́дри. Иншому зда́лось би, що в́ь сі́мъ кра́ю не́да́вно жили́ великолю́де: все, що тілько́ вони́ будова́ли, — будова́ли ши́роко й вели́чє́нно; ажъ з́разу пові́явъ смёртний ві́теръ, и лю́де́й тихъ не ста́ло; зоста́лись тілько́ до-півъ зр́облені́ ді́ла їхъ рукъ. То й не руї́на; руї́ною зовемо́ те, що ма́ло ко́лись св́ій пов́ний кшта́тъ, а се се́рдє́шне будова́нне не дійшло́ й до сво́го зр́осту; и хочъ рундучни́и стовпи́ стирча́ть спра́вді́ такъ, якъ на руї́нахъ и пожара́щахъ, тілько́ жъ ко́жному́ б́є в́ь ві́чи, що вони́ нові́і, не вётхи́і; не розспі́аютьця вони́ мо́вчки посере́дъ кучугу́ръ пра́ху й тлі́-

ну, а, піднімаючись рівно вгору, ти бь сказавъ — вопиють: »Дай-те жь намъ такъ жити, якъ обіцяли!«

Ми однакъ не були вь Радоміслі, а тільки проіхали поузъ. Другий городъ за Радоміслемъ, на нашій дорозі, Житомиръ. Мало вь ёму типового Волинського, бо нове порядкування виявилось усюди такъ голосно (беру сее словце для ока и розуму, а не для уха), що зь-підъ ёго та мизерна, трóхи не мёртва, старосвіщина тиль-тиль пробивається.

Черезъ Новоградъ-Волинський переїзжали ми нічною добóю, то й не вдалось намъ подивитись на високіі кручі, на руїну, трóхи не до зостанку вже розібрану, старосвіцької твердіні, и на малевніі берегі Случи, тіі славної Случи, що казали колись козаки: »Знай, Ляше, по Случъ наше!« Літомъ берегі її, на ліву рúку одъ міста, зкрашені зеленими дібровами. Не навтішаєсся, дівлячись, якъ тіі діброви синіють, синіють и ховаютьця далі зо-всімъ у тумані.

Товаришка мой вь дорозі, якъ душа схилна до малярства и поезіі, кохається вь руїнахъ: такъ у Кóрці жь надивилась на нихъ доволі. Тамъ на горі, якъ самъ ти, пане-брате, знаєшъ, надъ гли-бокімъ, кругойдучимъ яромъ стоить у руїнахъ колись-то пишний замокъ князівъ Чорторійськихъ. Передня башта висока, окнаста, безвєрха, геть переходить у вишинú усю замковú кúпу, и разомъ съ коменами, що стирчать по-надъ руїною, додає їй тóпу пону-ро-торжєственного. Княжата Чорторійські йшли одъ коліна дрєвніхъ Рúськихъ князівъ; та якъ та панська неситость збила їхъ зъ гáуз-ду, що пристали до Ляхівъ якъ у вірі, такъ и вь погáрді чорно-го люду, то й вони не втекли одъ козацькихъ рукъ разомъ изъ иншими панами. Хмельницького козаки достали мечемъ сей за-мокъ та й пустили по ёму пожаръ, що лєдві нагі стіни зоста-лися. Ми ходили по двóру и по руїнахъ, мізкуючи собі, якъ-то колись отъ у сій пúстці булò повно весєлого люду, и одъ ши-рокихъ воріть підъ баштою ажъ до оцїхъ малєванихъ покóбівъ, що дівляття розлúпаними височєнними вікнами зъ горі на садї, на корєцькіі будóви и розлóгі поля, повно булò крику, гóмину и сміху! а тепєрь усе мовчить, наче тутъ зрòду й не жили люде, наче ся руїна такъ руїною булá й змурóвана. Нимá, нерухóма смерть такъ воцарилася на сїхъ погрізенихъ кругомъ стінахъ, у сїхъ заваленихъ тліномъ и камінюками покóлахъ, що дивуєсся,

якъ щіе змігъ порости тутъ оцєї діквій нечумазний бузь. Да й бузь, чорний, кострубатий, здався тутъ тільки на сідало смерті. Сівши на єго кривіхъ гиліахъ, якъ та сова-пустинниця, понура смерть німімъ язикомъ своїмъ розка́зує, якъ марне гине панське владання....

За Корцемъ стоїть намъ по дорозі́ гóродъ Острóгъ, щіе багатший руїнами одъ Корця. Ми єго за́здріли ранкомъ крізь прозорний туманъ. Сónце обдавало єго красноватимъ світомъ; увесь вінъ громадився передъ нами спёршу мовъ одна́ гора; на горі́ якъ стовб́и—мріли тяжкіі старосві́цькіі до-півъ розва́лені ба́шти. Ода́лекі́ вінъ издава́вся гóродомъ велелі́ннимъ. Одна́къ ома́на ця по́чала́ розсві́татись, якъ ста́ли ми до єго наближа́тися, и да́лі, да́лі, ось и зовсі́мъ вінъ передъ на́ми зми́зернівъ. Найбі́льшъ по́псува́ла єго пога́на жи́дова свої́ми недобудова́ними, не оха́йливими, бри́дкі́ми ха́тінами. Суму́ємо ми, та й не зна́ємъ, що́ це все бу́ло бу́цимъ тільки на те, щобъ наго́товити намъ щіе кра́шу ми́нугу. Зра́зу, зъ-за ми́зернихъ, безті́ннихъ хоро́мінъ, зъ-за криві́хъ ді́рявихъ во́ріть, зъ-за убо́гої гро́мади, що́ зібра́лась у́ранці на торго́у зъ воза́ми та зъ мі́шками, ві́ступивъ намъ назу́стрічъ старосві́цький Езуі́цький ко́стєль, ви́со́кий, по фа́са́ду ма́лёваний, пи́шний, хочъ изпуста́лий. Крі́зь туманъ вінъ зда́вся намъ несказанно велелі́ннимъ, ажъ о́чі бравъ въ се́бе своєю́ вѣ́тхою красо́ю. А ще на пе́редньому́ пла́ні сто́ять ка́мняні, ста́рі, підгри́зені зні́зу, стовп́и одъ коли́шніхъ-то во́ріть; да́къ увесь фа́са́дъ церко́вний зъ-за тихъ, чи́ то сказа́ть—надъ тими́ до-півъ-зруйно́ваними нечума́зними стовба́ми, пішо́въ у́ гóру корні́зь за корні́зомъ, пи́лястра за пи́лястро́ю, стрі́лка за стрі́лкою—ле́гко да́ гінко, мовъ зъ землі́ то́полєва дібро́ва. Тутъ ми́ні до́бре почу́лося, скі́льки-то въ Бо́га краси́ и въ руїнува́нню, хочъ и пе́рше, де не побачу́ було́ дупли́васті́ ві́кна, те́мні, глибо́кві́ двє́рі, а по сті́нахъ щі́ливи́, якъ брі́жі по ста́рому́ ві́ду, то́ й зда́стця ми́ні, що́ та руї́на щось на́че промовля́ до ме́не, на́че шепче́ ми́ні беззубі́ми уста́ми якýсь да́вню, чу́денну́ю по́вість....

Одъ ко́стєла и одъ здоро́вєннихъ му́рованихъ Езуі́цькихъ шко́ль, то́жъ зпуста́лихъ, до́ро́га йде́ на гóру по́узъ старосві́цьку́ю ба́шту, що́ стої́ть собі́ на о́дшибі́ помі́жъ сякі́мъ-такі́мъ будова́ннямъ, якъ вѣ́тхий дні́ми ді́дъ, що́ ровесни́ки єго́ да́вно въ землі́ вже, а вінъ зоста́вся, и ні́ єму́ ні́ до ко́го, ні́ іншимъ до єго́ нема́є жо́дного

діла. Недовго ба́влячись на ста́нції, за́разъ пішли ми огляда́ти церкву кня́зя Остро́зького, са́му мизе́рну, або́ са́му бага́тшу (по-маля́рськи) ру́ину, яку́ я ко́ли на сво́єму ві́ку ба́чивъ. Лі́та, до́щі та ві́три на вдивові́жу вмію́ть кри́шити му́ровання. Чолові́къ зро́ду не потра́пивъ би такъ розкри́шити. Ве́сний це зна́є, хто про́бувавъ робі́ти по са́дахъ фа́лшиві ру́ини. Диві́вся я й не надиві́вся на висо́кі, изе́чені зъ ди́кого ка́меню, стрі́лча́ті ві́кна зъ розе́тами вго́рі, — а це́гла ви́низъ й по бо́кахъ вже обси́пає́тця, щі́лини вже ка́мяню робо́ту підві́дають, на две́рі, у́низъ вильго́тою розві́дені, розши́рені, — на церко́вній ба́шті, і́нде одко́лоті нави́ш, і́нде зовсі́м ці́лі, ті́лько зве́рху надкри́шені, — на ў́зких, висо́ких шма́ти му́ру, ніби на те́ зоста́влені, щобъ зна́въ, хто ди́витця, які бу́ли тамъ ві́кна, а одъ ві́кна зоста́нетця то́бі хиба́ корні́зъ избо́ку. Усі́ ба́шти, що зоста́лись одъ за́мку кня́зя Остро́зького, му́ровані шти́бомъ Вене́цькимъ и га́рні на́вдивові́жу. Одну́ переро́блено на зе́мський судъ, да й та ви́глядає́ ще я́кось пова́жно и ма́лєвно, — а пайбі́лшъ, якъ спо́глянешъ на не́ї зні́зу, зъ-підъ го́рі. Що́ то старо́свіщина! А де́ жъ, спита́вся бъ мо́же хто, де́ жъ міжъ смі́и му́рами друка́рня, у кото́рій надруко́вана бу́ла пе́рша на Ру́сі кні́га: Остро́зька Би́блия? де́ буди́нки са́мого кня́зя Костя́нтина Остро́зького? Шко́да пита́ти! Остро́жани ні́мі, якъ и ці́ му́ри: нічо́го въ нихъ не до́питає́ся, нічо́го не ті́млять, усе́ке гу́торить и поби́ває́тця ті́лько про вла́сне се́годне́нне ді́ло. Пра́вда, для ко́го тамъ бу́ли бъ доро́гі ці́ ру́ини? Па́ні ру́ські и са́мі вну́чата Остро́зького кня́зя переверну́лись на По́ляківъ, про́стому лю́ду не до то́го, а ті́ї, що тепе́речки зову́тця старода́внімъ на́шимъ прізви́щемъ, — не то́-щобъ сві́то держа́ти па́м'ять Остро́зької старо́свіщини, та ра́ді бъ изъ Ки́ївської Ла́ври ви́кинуть мраморя́ну до́мовину Костя́нтина Остро́зького: бо вже й такъ за́мазали на сті́нахъ дре́вніхъ гетма́нівъ, титарі́въ ла́врьськихъ, и гробни́цю Остро́зького кня́зя закри́ли одъ то́го лю́ду, кото́рому вінъ такъ жада́въ просві́тити незря́чні о́чі.

Походи́вши по го́рі, подиві́вшись на ру́ини, на дале́кні лу́ги, що сте́лютця ви́низъ зъ га́ями, се́лами и блискучи́ми рі́чками, спу́сти́лись ми до то́го косте́ла и до тихъ Езу́їцькихъ шко́ль, що ба́чили вті́жджа́ючи. Тутъ хочъ ру́йновання́ зве́рху й кра́сне для маля́рського о́ка, а въ се́редині́ зпостоша́лось спра́шна й проти́вна; бо то не ча́сть, а лю́де почи́ли. За́разъ, якъ уві́йдешъ у ко́стельні́ две́рі, у́да́рить усе́кого походи́ний по́грибъ, чи скле́пъ,

по якіхъ звичайне кателіки кладуть мёртвихъ. Не те вдарить тебѣ, що вже давно немає въ ёму ні дверей, ни камянїхъ східцівъ, а те, що каліужная вода пропу́щена зъ міста у костельніи двѣрі, а зъ дверей у скле́пъ. Нехай же тепѣрь хто хоче собі помі́зкує, що роби́тця тамъ у тому́ скле́пі, де сто́ять тру́ни кателіцького па́нства и по́півства! Ти, мій ша́новний па́не-бра́те, бувъ тамъ у со́рокъ-че́твёртому ро́ку, прої́здячи че́резъ Остро́гъ; ти пи́савъ тоді до ме́не, якъ повиворо́чували мертвці́въ изъ до́мови́нъ, и́ншихъ порозрива́ли на́ двоє и на́ трое, а ко́трі но́віші до́мови́ни, позаби́рали на то́пливо у ті жи́тля, що́ тутъ же спо́ряжені у ко́лишніхъ шко́льнихъ му́рахъ.... Тепѣрь тамъ ста́лося зъ мёртвими кателі́ками ще гірша на́ру́га. Глу́мїлись вони́ ко́лисъ на́дъ на́шою віро́ю, *возни́мвши тимъ службу́ прино́сити Бо́гу*; поглу́мїлась же тепѣрь и на́дъ їхъ сме́ртними зо́станка́ми и на́дъ їхъ зпу́стоша́лимъ ко́стеломъ не-еми́сленна че́рнь.... У ко́стелі пу́сто,—ти́лько ви́дно, де бу́ли пре-сто́ли (звичайне, якъ у кателі́ківъ, усе́ по сті́нахъ, по сті́нахъ). На́дъ пре́сто́лами зо́стало́сь тамъ-ся́мъ и ма́люва́ння и бі́логлі́няне и́з-ва́йние свя́тихъ кателі́цькихъ, ти́лько всі́ до о́дного пообб́ивані́ и по-глу́млені́... Ути́ха ди́кого лю́ду!—За́ло́ми пообва́лювали́сь, ти́лько зо́ два, чи зо́ три я́кось де́ржати́ця, бо́ючі́сь уся́ку ми́ну́ту, що́бъ не впа́сти. На́дъ пре́сто́лами—я́къ де ви́со́ко, то збере́гли́сь и́ще підписи́ на си́нніхъ и че́рво́нихъ щитка́хъ. Фа́рба на їхъ зо́всімъ и́ще но́ва! Не зна́ю, чо́мъ ме́не вдари́ли та́къ гі́рко ти́і підписи́, той е́диний забу́токъ давнє́ї ко́стельно́ї по́мпи. Ми́ні зда́лось, що́ крі́зь сі́і си́ні й че́рво́ні ві́ко́нця (щиткі́ зъ підписа́ми зъ пе́ршого по́гляду зда́ютьця ві́ко́нцями по сті́нахъ) хтось не́сме́ртний и за́пе́клий и не́вблагóмий ди́витця пи́лно, ве́село и сме́єтця гі́рко, якъ во́рогъ, що́ я́къ-то сі́і ко́стельні́ й шко́льні му́ри стано́вили́сь та́кимъ ве́ликимъ ко́штомъ, зъ тако́ю по́мпо́ю, вла́стю й віро́ю, що́ сто́ятимуть ви́шне, а тепѣрь та́къ мизе́рне, та́къ жа́лі́бно, та́къ мо́вчки розва́люютьця, — не про́мовлять, не пробо́вкуть за се́бе й сло́ва, тлі́ють забве́нне и ру́йну́ютьця. И що́бъ ти зна́въ, я́ка посе́ли́лася тутъ ме́рзость запу́стї́ня на ми́сці́ свя́ті́, тре́ба ще доба́вити, що́ на́ ні́чъ сю́ді жи́ді за́ганя́ють това́рь свій; ско́ти́на ту́литця, якъ ви́дно, по́узь сті́ни, де по́зостава́лись ни́жші за́ло́ми, и хто б́-то не возне́годува́въ розу́мний и бо́гобо́язний, ба́чучи, якъ пору́гані́ підно́жия пре́сто́лівъ, ті́ са́мні підно́жия, де кла́дено не́уто́млені́ поклóни и па́лено мо́лі́твені́ кади́ла!

Зъ костѣла йдуть переходи, переходи скрізь по всьому мурованню, що-то колись була школа и чернечі кѣлії. Пішли ми по тихъ переходахъ. Сумно, дїко всюди: сказано, пуста! Инколи чути якийсь далѣкий гласъ, мовъ хто когo кліче, або вітеръ заносить здалеку костельніи кателіцькїї псалми. Инший подумавъ би, що той жалібний гласъ чути изъ костельного склепу, подумавъ би, може, що отті нещасливиї мертвці кателіцькїї, захліпуючись каліужною водою, вопіють изъ домовинъ: чи не прійде хоча хто-небудь на заштиту святині церковної и святині гробової тогосвітної. Тільки жъ недовго бъ вінъ бувъ у такій богобоязній омані. Идемo, ажъ глянемъ: у праву руку пішовъ довгий, потягнутий димомъ, перехoдъ. Димъ виходивъ изъ москальської пекарні, що тутъ десь була збоку. А крізь димъ, на кінці перехoду, показуютьца одінъ за одінмъ, муштруючиcь, москалі! Тамъ на кінці еcть велика світлиця, що колись була езуїцькою трапезою, а теперъ здалася на муштру москальмъ. Одалекі вони, крізь димъ, ворочалиcь изъ своїми засписованими оружїями, и їх-то муштерський галасъ здавася намъ крізь окнастні до-півъ поруїновані перехoди жалібнимъ гласомъ изъ того світу. Скоро натрапили ми на нихъ, заразъ одпала намъ охота швєндать по німoму царству мєртвихъ....

Прощай до Варшави! Щo побачу, або почую — напишú про всячину.

II. Необачний.

СЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Передавая вѣсти съ праваго берега Днѣпра, я надѣюсь принести этимъ пользу изучающимъ общественное и этнографическое положеніе Южнаго края.

Польское вліяніе на народъ *правобѣчної України*, — и особенная участь, постигшая Украину лѣвой стороны Днѣпра, разъединили, тамъ и здѣсь, сословія, и отдѣлили *образованныхъ* отъ *простыхъ*. Народъ праваго берега лишень былъ всякаго общенія съ общечеловѣческою духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполне высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и заговорили для него понятно, но все они, почти все, родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до-сихъ-поръ еще никто не подаль имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути. Правда, нѣкоторые изъ право-бережныхъ уроженцевъ-писателей поняли силу мѣстныхъ народныхъ стихій, но ихъ поэтическія произведенія скорѣе были передѣланной на польскій ладъ сказкой или пѣсней, чѣмъ самобытнымъ, животворнымъ словомъ. Такъ *Богданъ Зальскій* любитъ Украину, какъ областью красивыхъ дѣвчатъ, русалокъ и молодцоватыхъ, нѣжно преданныхъ Польшѣ, *козаковъ*, умѣвшихъ переплывать Днѣпровскіе пороги и пугать Цареградъ; *Михаилу Чайковскому*, хотя и удавалось, въ повѣстяхъ, изображать живыми красками ту или другую черту *козацтва*, но онъ видѣлъ въ немъ только поэтическую его сторону. Тѣ изъ нихъ, которые занимались Украиной съ научной стороны, высказывались въ томъ же смыслѣ. Все они писали по-польски. *Тимко Падѹра*, въ своихъ »*Украин-*

кахъ», будто бы писанныхъ на южно-русскомъ языкѣ, представилъ пародію и языка и народа, о которомъ заговорилъ; тоже можно сказать и о *Спиридонѣ Осташевскомъ*, авторѣ *Пів-кóни казóкъ*, переложенныхъ въ украинскіе стихи. Нельзя еще не вспомнить извѣстныхъ *балагúловъ* или *барабóловъ* (bares-geld), которые также пародировали украинскую народность въ своей повседневной жизни, съ своими лакеями-*козачкáми*, съ своими бандуристами, поющими цинническія пѣсни, — съ рюмкой и нагайкой въ рукахъ, съ четверными лошадями, отличающихся красотою или странною мастью, съ гульбей на Бердичевскихъ ярмаркахъ. и всякими *паничёвськими* выдумками, которымъ они старались какъ-будто придать мѣстный характеръ.

Общество смотрѣло на всѣ поименованныя явленія, какъ на эксцентрическія выходки. Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массой, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которымъ, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачею — содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія.

За тó большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей, какъ новости. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признають сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, — возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства челоуѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ....

Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь этихъ лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно, прежде всего, желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія ис-

тины и времени. Ограниченность взгляда и не совѣтъ чистая совѣсть — вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ; вполне убѣждены, что «правда выяенится», и пристыженные противники — раньше или позже — уступятъ предъ священными ея правами. Можно быть увѣрену, что не опасныя, по мнѣнію помѣщиковъ, современныя идеи, а единственно ихніе (если будутъ дурны) поступки могутъ посѣять взаимныя неудовольствія между сословіями. Въ нашемъ краю они имѣютъ о себѣ самое хорошее мнѣніе.

Къ числу причинъ, растрavляющихъ и такъ незавидную матеріальную долю нашего простаго народа, слѣдуетъ отнести огромныя проценты, которые они должны платить при всякомъ займѣ. Этотъ заемъ дѣлается обыкновенно или у Еврея, или у помѣщика. Евреи, безъ зазрѣнія совѣсти, берутъ *минимумъ* 10% ежемѣсячно; но эти проценты часто возрастаютъ до гораздо большихъ. — Помѣщикъ — требуетъ отработка. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ представляется иного рода невыгода. У насъ трудъ чернорабочихъ цѣнится очень дешево, да притомъ отработокъ требуется въ лѣтнее время, именно тогда, когда земледѣльскій трудъ получаетъ наибольшую важность, но никакъ не соразмѣрную награду. — Есть, впрочемъ, отрадные факты въ этомъ отношеніи. Къ числу ихъ относится банкъ для крестьянъ въ селѣ Олешинѣ Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда. Тамошній приходской священникъ г. Морачевичъ вложилъ въ него своихъ собственныхъ 100 р. ср. съ тѣмъ, что онѣ будутъ возвращены тогда, когда другіе 100 р. ср. наостутъ изъ процентовъ, которые обращаются въ собственность банка. Банкъ состоитъ въ завѣдываніи шести выборныхъ. Всякій крестьянинъ имѣетъ право получать деньги въ заемъ изъ банка; въ случаѣ неисправности онъ отвѣчаетъ своимъ хозяйствомъ, если онъ хозяинъ, а за бобыля ручаются двое хозяевъ. По прежнему правилу, весь капиталъ слѣдовало возвращать съ процентомъ (10%) въ мѣсяцъ; теперь это правило замѣнено другимъ, болѣе практичнымъ: капиталъ вмѣстѣ съ процентомъ уплачивается такъ, что за одинъ руб. ср. вносится еженедѣльно 2 коп. ср. (при чемъ уплачивается и часть капитала), слѣдовательно, по прошествіи 52 недѣль, заемщикъ вноситъ 104 к. ср. капитала и процента, — что равнялось бы только 4%, если бы вносимыя въ разное время деньги, посредствомъ оборота, не доставляли еще новой прибыли банку. Это нововведеніе полезно не для одного банка, но и для заемщика, такъ какъ крестьянину трудно было всякій разъ имѣть на-готовѣ потребную для уплаты сумму, и онъ часто принужденъ былъ дѣлать съ этою цѣлью новыя займы у Евреевъ, за значительныя проценты. Банкъ этотъ устроенъ

съ Свѣтлаго праздника 1860 г. Вносы дѣлаются до сихъ поръ съ примѣрною аккуратностію. Здѣсь нужно замѣтить, что жители Олешина занимаются разнаго рода промысломъ по близости къ мѣстечку.

На подобныхъ же основаніяхъ существуетъ другой банкъ въ с. Цыбулевѣ, Ольгопольскаго уѣзда Подольской губерніи. Вкладчикомъ этого банка былъ г. Карлъ Бржезовскій, тамошній помѣщикъ. Онъ вложилъ 300 р. ср. Способъ уплаты въ банкъ займовъ тотъ же, что и въ Олешинѣ. Банкъ существуетъ около трехъ лѣтъ.

Подобные отрадныя факты доказываютъ, что у насъ есть люди (какъ бы они рѣдко ни встрѣчались), дѣйствительно интересующіеся участіемъ крестьянскаго населенія, — и что это населеніе способно уважать *громадское* добро.

Но говоря о разныхъ отдѣльныхъ экономическихъ явленіяхъ въ Южномъ краѣ, я думаю — излишнее будетъ представить здѣсь и нѣкоторыя общія экономическія понятія нашего простаго народа: на нихъ, кажется, до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онѣ не безъ значенія для будущности, потому что лежатъ въ глубинѣ народнаго сознанія. Человѣкъ въ развитіи своемъ начинаеть обыкновенно съ фактовъ и представлений ограниченныхъ, и далѣе постепенно развиваетъ ихъ. Какъ ни тѣсенъ кругъ его первоначальныхъ понятій, но они имѣютъ чрезвычайную важность, какъ точки отправленія для дальнѣйшаго развитія.

Исходная точка общественной жизни нашего крестьянина — семья. Оставимъ въ сторонѣ нравственно-физиологическій элементъ ея, и посмотримъ на семью съ экономической стороны. Какъ силенъ экономическій элементъ въ семейной жизни народа — не трудно убѣдиться послѣ двухъ — трехъ разговоровъ съ крестьяниномъ о его повседневной жизни. Опредѣляя достоинство каждаго изъ членовъ семьи, говоря о намѣреніи кого либо изъ нихъ вступить въ бракъ, радуясь дѣтьми — онъ всегда чуть ли не на первомъ планѣ ставитъ хозяйственное ихъ значеніе. Итакъ, семья въ этомъ смыслѣ, есть самая тѣсная ассоціація нѣсколькихъ лицъ различнаго пола; экономическій принципъ ея слѣдующій: »отъ всякаго члена — трудъ соразмѣрный его способностямъ, — всякому соотвѣтственно его потребностямъ, принимая въ соображеніе общее достояніе и общія потребности.« Обыкновенно, во всякой хатѣ, за образами, лежитъ калитка, въ которую приносятъ всякій членъ этого общества свой заработанный грошъ. Всѣ полевые и прочіе продукты составляютъ подобнымъ же образомъ общее достояніе. Утаеніе заработка предъ прочими членами семьи

считается самымъ нехорошимъ дѣломъ: этотъ принципъ глубоко укорененъ въ общенародномъ сознаніи.

Что касается до *надѣла каждаго сообразно съ его потребностями, и по соображенію общаго достоянія и общихъ потребностей*, — то этотъ принципъ также глубоко укорененъ въ общественномъ сознаніи. Часто вся маленькая ассоціація жертвуетъ многими повседневными потребностями въ пользу одного своего члена — и это дѣлается безъ всякаго неудовольствія со стороны остальныхъ: сильное чувство общественной солидарности устраняетъ всѣ прочія чувства, могущія зародиться въ подобномъ случаѣ. Подобные случаи бывають, напримѣръ: при отдачѣ кого нибудь *«въ науку»*. — Семья лишается хозяйственной помощи одного изъ членовъ, но сознавая пользу этой «науки», — она охотно дѣлаетъ и другія пожертвованія въ пользу этого члена. Подобные факты довольно рѣдки, но при теперешнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, они часто будутъ повторяться. Менѣе рѣзкіе факты подобнаго значенія представляются ежедневно въ отношеніи къ малолѣтнимъ, нездоровымъ, нуждающимся въ большемъ пожертвованіи, вследствие какой нибудь временной причины. — Крестьянинъ не можетъ понять, какъ можно иначе устроить эти отношенія. Для него, напр., никакъ не понятна опредѣленная плата, назначаемая часто людьми высшаго сословія ихъ дѣтямъ: онъ считаетъ это чѣмъ-то постыднымъ и непонятнымъ. Я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться неоднократно. Предложеніе, чтобъ всякій хранилъ свой заработокъ отдѣльно (предполагая даже всѣхъ членовъ семейства уже взрослыми) — кажется крестьянину самымъ гибельнымъ принципомъ въ экономическомъ отношеніи. Его сужденіе въ этомъ случаѣ имѣетъ компетентность практическаго взгляда. Принципъ экономическаго значенія семьи считается у нашихъ крестьянъ самымъ полезнымъ въ отношеніи къ благосостоянію: причину богатства извѣстной группы людей они обыкновенно объясняютъ словами: *«не діво: то пародъ семьянистый»*. Одинъ крестьянинъ, на мой вопросъ, какое средство считаетъ онъ самымъ вѣрнымъ для улучшенія общаго благосостоянія, отвѣчалъ: *«коли-бъ наша семья и зъ то'ю и зъ то'ю (указывая на нѣсколько хатъ) жили наче одна семья, щобъ у-гурті робить, до кўпи всі грѣші и весь заробітокъ складати, за одінь стілъ сидати: — то тоді бъ певне, що розжились бъ.»*

Вотъ общественный идеалъ, по понятіямъ нашего крестьянина ⁽¹⁾!

(1) Онъ высказывается во многихъ народныхъ пословицахъ, напр. «Якъ жить у кўпі, то не боліть у пўпі,» «гўртъ и въ Бога краде,» «громада — великий чоловікъ.»

онъ имѣть въ себѣ, безъ сомнѣнія, много положительнаго, чего многіе не хотятъ понять, приписывая простому народу только отрицательное воззрѣніе. Конечно, въ народныхъ понятіяхъ есть и послѣднее; — въ экономическомъ отношеніи оно высказывается въ нѣкоторомъ особенномъ взглядѣ нашихъ крестьянъ на собственность.

По ихъ понятіямъ, лѣсъ, овощи, рыбы, птицы и всякій лѣсной звѣрь — составляютъ общее достояніе. Онъ разсуждаетъ, что *никто не зарабатывалъ на эти вещи* и что онѣ даны природой для всѣхъ безъ исключенія. Преодоленіе трудностей для присвоенія себѣ доли изъ этого общаго достоянія — считается своего рода молодечествомъ, но никакъ не постыднымъ дѣломъ. Разказы о подвигахъ подобнаго рода дѣлаются неразъ публично.

Иногда допускается воровство и другихъ вещей: хлѣбъ можно, по народнымъ понятіямъ, красть, но никакъ не больше, какъ сколько необходимо нужно, потому что хлѣбъ горько зарабатывается и только принципъ: *«не дать души пропасті — треба вкрати»* — оправдываетъ виновнаго въ подобныхъ случаяхъ ⁽¹⁾.

Отдача найденныхъ вещей потерявшему ихъ считается честнымъ дѣломъ, но и требованіе выкупа, т. е. извѣстной части стоимости найденной вещи — не считается постыднымъ. Выкупъ этотъ обыкновенно состоитъ въ извѣстномъ количествѣ водки, которую вмѣстѣ и потерявшій и нашедшій пропиваютъ, взаимно благодаря другъ-друга за оказанную услугу.

Наконецъ, еще одна характеристическая черта въ этомъ отношеніи — это всеобщая симпатія къ личности Кармелюка вездѣ, гдѣ о немъ сохранилось преданіе, — при чемъ девизомъ его ставятъ слова, заимствованныя изъ пѣсни, ему приписываемой:

«Зъ багáтого хочъ я візмý —
Уббóмому даю:
Роздѣлѣвши такъ ті грóші,
Гріхá я не маю.»

Представляя всѣ эти факты, я старался только указать на нихъ; самъ же не рѣшаюсь дѣлать по нимъ никакихъ заключеній.

МАКСИМЪ ЧОРНЫЙ.

(1) Вопросъ о народномъ взглядѣ на собственность требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ, у нашего же народа существуетъ пословица: «Хто чужé берé, тогó Богъ побьé», — «на чужій трудъ — ласий не будь», и другія. — *Ред.*

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ

ПО 10-й НАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ.

Статистическое изслѣдованіе *А. Тройницкаго*. Изданіе Статистическаго Отдѣла Центрального Статистическаго Комитета. Спб. 1861.

Заглавіе книги г. Тройницкаго достаточно объясняетъ ея занимательность въ настоящее время. Мы остановимся съ большимъ вниманіемъ преимущественно на тѣхъ данныхъ, которыя относятся до южнорусскаго края.

Изслѣдованіе г. Тройницкаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ *краткое обзорніе существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи*; второй—*числовыя вѣдомости и общую таблицу разныхъ разрядовъ крѣпостнаго населенія*, къ которымъ приложена *статистическая карта* съ нагляднымъ обозначеніемъ процента крѣпостнаго населенія по 10-й народной переписи; въ третьемъ соединены и разсмотрѣны *главнѣйшіе выводы, извлеченные изъ числовыхъ вѣдомостей*, и представлены *соображенія* о взаимномъ отношеніи разрядовъ крѣпостныхъ людей и о числовомъ отношеніи крѣпостныхъ къ владѣльцамъ, и проч.

Первое прикрѣпленіе къ *землѣ* г. Тройницкій относитъ къ временамъ Татарскаго владычества, когда, для обезпеченія исправнаго взноса податей, учреждена была народная перепись (въ 1237 г.), и городскимъ жителямъ и сельскимъ обывателямъ, поселеннымъ на казенныхъ земляхъ, указано было не переходить, безъ разрѣшенія, съ этихъ земель на другія; послѣднее, окончательное и безусловное, закрѣпленіе *лицу*

совершилось въ царствованіе Екатерины II, когда дворянамъ было предоставлено право собственности не только на землю, но и на крестьянъ.

Въ настоящее время, согласно перечневымъ вѣдомостямъ казенныхъ палатъ о народонаселеніи южно-русскаго края, сельскіе обыватели крѣпостнаго или несвободнаго состоянія раздѣляются на слѣдующіе три главные раздѣла: помѣщичьихъ, — принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, и приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ.

Помѣщичьи крестьяне могутъ быть раздѣлены на состоящихъ на крѣпостномъ правѣ: 1) общемъ и 2) условномъ. Первые состоятъ изъ *крестьянъ*, собственно такъ-называемыхъ, и *дворовыхъ людей*, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, къ домамъ, при денежномъ обезпеченіи, или даже безъ такого обезпеченія, — и имѣются во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Украинскимъ народомъ, кромѣ земли Черноморскаго войска, гдѣ по указу 1850 г. сентябрю 18, крѣпостные, съ 16 июня 1858 г., обращены въ козаковъ. — Вторые въ губерніяхъ юго-западныхъ, состоятъ, по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, тоже на общемъ крѣпостномъ правѣ (условія касаются собственно помѣщика, по отношенію къ правительству), съ тѣми только ограниченіями, которыя вообще введены по инвентарнымъ правиламъ въ западныхъ губерніяхъ. Они раздѣляются на *владѣльческіе ординацкіе*, *поіезуитскіе*, *ленные* и подлежащіе обращенію въ казну. — *Владѣльческіе ординацкіе* крестьяне поселены въ Подольской и Волынской губерніяхъ, въ имѣніяхъ бывшаго огромнаго маіората *Острожской ординаціи*, учрежденнаго въ началѣ XVII вѣка княземъ Янушемъ Острожекимъ и, въ послѣдствіи времени, раздробившагося и перешедшаго во владѣніе многихъ лицъ. Бóльшая часть особыхъ условій, съ которыми сопряжено было, по волѣ основателя, владѣніе этимъ маіоратомъ, упразднилась; но условіе, по которому Острожская ординація должна была выставлать 600 вооруженныхъ воиновъ, для огражденія тогдашнихъ границъ государства противъ враговъ христіанства, и донинѣ сохранилось, только въ измѣненномъ видѣ: съ имѣній, входящихъ въ составъ ординаціи, взимается извѣстный денежный сборъ. — *Поіезуитскіе*, находящіеся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, поселены въ имѣніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ іезуитскому ордену и, по уничтоженіи ордена, проданныхъ Польскимъ правительствомъ древнимъ Польскимъ дворянамъ, по особой оцѣнкѣ, сумма которой оставлена вѣчно на имѣніяхъ. — *Ленные* крестьяне, состоящіе, какъ и поіезуитскіе, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, водворены въ имѣніяхъ, розданныхъ нѣкогда польскими коро-

лями разнымъ лицамъ, за воинскія заслуги, до престѣненія мужской, а нѣкоторыя и женской, линіи. Такія имѣнія не раздробляются по наслѣдству, не закладываются и не продаются изъ одной фамиліи въ другую. Къ крестьянамъ, состоящимъ на условномъ правѣ, должны быть отнесены и *обязанные* крестьяне. Они находятся въ Кіевской и Подольской губ.

Учрежденія и сословія, владѣющія крѣпостными людьми на помѣщичьемъ правѣ, суть слѣдующія: 1) *Благотворительныя и воспитательныя* учрежденія (въ томъ числѣ и Харьковскій университетъ владѣеть 191 душою мужескаго пола); 2) *Города юго-западнаго края* (въ томъ числѣ Каменецъ-Подольскъ владѣеть городскимъ селеніемъ *Гормилучъ*): ихъ крестьянами управляютъ думы, магистраты и ратуши; 3) *Церкви и монастыри* бывшаго Базиліанскаго ордена греко-уніатскаго исповѣданія, въ юго-западномъ краѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и крестьянъ, приписанныхъ къ *раскольниковому Куриневскому монастырю* (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губ.) и къ Мусульманской Рѣжевской мечети (въ Трокекомъ уѣздѣ Виленской губ.): первые управляютъ инокомъ монастыря, а послѣдніе муллою мечети, на помѣщичьемъ правѣ; 4) Вѣдомство коменданта С. Петербургской крѣпости; 5) казенные горные промыслы, заводы и фабрики, военное, морское и придворное вѣдомства, банкъ и такъ далѣе, владѣющіе многочисленными разрядами крестьянъ, существующихъ подъ общимъ названіемъ *приписныхъ*. Крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ мѣстахъ, заселенныхъ Украинскимъ народомъ, нѣтъ.

Второй и третій отдѣлы труда г. Тройницкаго содержатъ въ себѣ, какъ сказано выше, числовыя вѣдомости и основанные на нихъ выводы.

Постараемся извлечь отсюда нѣкоторыя соображенія. Изъ 23,069,631 крѣпостныхъ обоого пола, находящихся въ Россійской Имперіи, на долю 7-ми губерній южнорусскаго края приходится 5,061,263 душъ (Полтавской — 681,672 душъ обоого пола, Черниговской — 553,622 душъ, Кіевской — 1,121,062, Подольской — 1,041,051, Волынской — 864,161, Харьковской — 471,165 и Екатеринославской — 328,530), или 2,470,628 душъ мужескаго пола и 2,590,635 женскаго; слѣдовательно, на 100 мужчинъ — $104^{85}/_{100}$ женщинъ. Общее число жителей въ этихъ губерніяхъ — мужчинъ: 5,543,961, женщинъ 5,593,395, или на 100 мужчинъ — $100^{89}/_{100}$ женщинъ. Слѣдовательно, перевѣсъ женскаго крѣпостнаго населенія надъ мужскимъ $3^{96}/_{100}$ процентами выше, нежели въ населеніи общемъ, т. е., оказывается тоже почти, что и вообще замѣчается въ крѣпостномъ населеніи Россіи, съ тою только разницею,

что въ остальныхъ ея губерніяхъ—вообще больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ, какъ въ крѣпостномъ, такъ и въ не крѣпостномъ сословіяхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ, въ этихъ губерніяхъ — 5,059,993 обо-его пола души, а остальные 1,270 душъ принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ.

Г. Тройницкій, указавъ числовыя отношенія крѣпостныхъ по поламъ и по разрядамъ,—разсматриваетъ уменьшеніе крѣпостнаго населенія въ ближайшее къ намъ время и приходитъ къ такому заключенію, что крѣпостной составъ Имперіи *остался почти неподвижнымъ и даже уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ* (со времени производства 8-й, до окончанія 10-й ревизіи), между тѣмъ какъ въ тотъ же періодъ времени общее населеніе Имперіи *увеличилось на девять миллионовъ душъ*; застой и даже уменьшеніе крѣпостныхъ замѣчается по преимуществу въ *мужскомъ полѣ*. Такое замѣчательное явленіе авторъ изслѣдованія приписываетъ, главнымъ образомъ, отбыванію рекрутской повинности натурою и вообще перечисленію крѣпостныхъ въ другія сословія; но перечисленіе, по мнѣнію г. Тройницкаго, не единственная причина этой убыли. «Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «что и условія естественнаго приращенія въ той части народонаселенія, т. е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ состояніи несвободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостнаго сословія находится въ ненормальномъ положеніи. Одни приведенные здѣсь статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринимаемое нынѣ преобразование, имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія, и *необходимо и своевременно.*»

Число дворовыхъ людей въ упомянутыхъ 7-ми губерніяхъ—296,040 душъ, — мужчинъ 146,211, женщинъ 154, 829 (въ Харьковской 44,202 мужч., 47,045 женщ.; Полтавской—40,787 мужч., 45,064 женщ.; Екатеринославской—28,498 мужч., 27,797 женщ.; Черниговской—25,689 мужч., 27,933 женщ.; Кіевской—3,560 мужч., 3,743 женщ.; Подольской—3,280 мужч., 3,026 женщ. и Вольнской—195 мужч., 221 женщ.); число же помѣщичьихъ крестьянъ, *на общемъ крѣпостномъ правѣ состоящихъ*,—4,483,148 душъ (2,188,123 м., 2,295,025 ж.); слѣдовательно, дворовые люди составляютъ около 15-й доли поселенныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, мѣстности, заселенные украинскимъ народомъ, въ этомъ отношеніи, находятся въ болѣе выгод-

ныхъ условіяхъ, чѣмъ вообще по Имперіи; вообще по Имперіи дворовые люди составляютъ около 14-й доли поселенныхъ крестьянъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ изъ семи губерній замѣчается значительное, въ последнее время, увеличеніе дворовыхъ въ сравненіи съ поселенными крестьянами. Въ губерніи Харьковской, по 10-й ревизіи, показано дворовыхъ муж. пола болѣе противъ ревизіи 9-й—на 30,814 душъ, въ Полтавской—на 28,044 д., Екатеринославской—на 20,736 д., Черниговской—на 19,549 д. Подольской—на 355 д., (въ Волынской и Кіевской менѣе противъ 9-й ревизіи, въ первой — на 111 д. и во второй — на 556 д.)

Но обратимся къ самому изслѣдованію: «самое значительное перечисленіе крестьянъ въ дворовые», говоритъ авторъ, «произошло въ Харьковской губерніи; за тѣмъ слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, губерніи: Полтавская, Курская, Херсонская, Екатеринославская, Черниговская, Костромская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Минская. Трудно объяснить себѣ поводъ къ этому перечисленію въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, которыя все принадлежатъ къ числу земледѣльческихъ и въ которыхъ общаго можно указать развѣ только то, что въ болѣе части изъ нихъ Малороссійское племя или преобладаетъ, или, въ значительной степени, смѣшано съ Великороссійскимъ. Но этотъ племенной признакъ едва ли могъ имѣть вліяніе на указываемое явленіе; вѣроятно же предположить, что, какъ въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, такъ и въ другихъ, гдѣ это перечисленіе произошло въ меньшихъ размѣрахъ, поводомъ къ тому были распространившіеся, при производствѣ послѣдней переписи, слухи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостнаго сословія, дворовые люди будутъ выкуплены Правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, изъяты изъ поземельнаго надѣла; естественно, что въ губерніяхъ, куда проникнули подобные слухи, и болѣе въ тѣхъ, гдѣ много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики пожелаали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ землею въ пользованіе». Вѣроятно, ближайшія наблюденія надъ дѣйствительностію подтверждать выводъ автора.

Любопытенъ также выводъ г. Тройницкаго о числѣ *безпомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ*. Число тѣхъ и другихъ уменьшилось (въ теченіе 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 8-й до 10-й переписи) почти въ пять разъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ не могъ увеличиться со времени 8-й ревизіи, вслѣдствіе запрещенія, съ 1841 г., безпомѣстнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ, а такъ какъ они, съ то-

го же времени, не могли и продавать своихъ крестьянъ, безъ земли, то и слѣдуетъ предположить, что значительная часть изъ числа 50, 000 душъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ, составляющаго разность между двумя ревизіями, были отпущены владѣльцами на волю. « Выводъ этотъ любопытенъ для насъ сколько потому, что, несмотря на столь значительное уменьшеніе безпомѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, самыя крупныя цифры, по крайней мѣрѣ владѣльцевъ, остаются за Южнорусскимъ краемъ (въ Полтавской губерніи—269, въ Харьковской — 248, Черниговской — 207, между тѣмъ какъ ни одна губернія въ цѣлой имперіи не достигаетъ и до 200).

Г. Тройницкій раздѣляетъ губерніи, по крѣпостному проценту, на 4 группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ болѣе 50% или болѣе половины губернскаго населенія; 2-я, въ которой это число простирается, понижаясь отъ 50 до 25% т. е. отъ половины до четвертой части всего населенія; 3-я, съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25 до 10%, или отъ четвертой до десятой части, и наконецъ — 4-я, съ числомъ крѣпостныхъ менѣе 10% т. е. менѣе десятой части губернскаго населенія.

Семь южно-русскихъ губерній принадлежатъ, къ сожалѣнію, къ двумъ первымъ группамъ; — Подольская, Кіевская и Волынская особенно богаты крѣпостными: въ первой — $59\frac{54}{100}$, во второй — $57\frac{66}{100}$ и въ третьей — $56\frac{54}{100}$ процента. Губерніи Черниговская, Полтавская, Екатеринославская и Харьковская имѣютъ крѣпостныхъ, первая — $37\frac{61}{100}$, вторая — $37\frac{47}{100}$, третья — $31\frac{51}{100}$ и четвертая — $29\frac{77}{100}$ процента. Въ Подольской и Кіевской губерніяхъ крѣпостное населеніе выше *милліона*, въ Волынской — *около милліона* душъ обоего пола. « Сельское населеніе этихъ трехъ губерній, принадлежащихъ къ хлѣбороднѣйшимъ въ Россіи, обращено въ крѣпостное еще подъ Польскимъ владычествомъ, когда богатые и сильные Польскіе магнаты, подчинивъ своей власти значительную часть тамошнихъ многочисленныхъ сельскихъ обывателей, устроили обширныя и богатыя помѣстья, въ видѣ ленныхъ владѣній, такъ что въ этомъ краѣ крестьянское право установилось болѣе въ формѣ завоевательнаго подчиненія сельскихъ обывателей, нежели укрѣпленія ихъ къ землѣ. »

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской сельское населеніе освободилось отъ пановъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ Поляками; но Екатерина II, въ 1783 г., ввела здѣсь крѣпостное состояніе, которому впрочемъ не могло подпасть такое число крестьянъ, какъ въ

югозападныхъ губерніяхъ потому, что многіе изъ нихъ принадлежали къ сословію козацкому. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ крестьянское сословіе долго было подвижнымъ: въ первой, принадлежавшей къ великорусской Украинѣ, — вслѣдствіе пограничныхъ волнений и татарскихъ набѣговъ, а въ Екатеринославской — вслѣдствіе новаго поселенія и разселенія крестьянъ: поэтому и крѣпостное состояніе учредилось здѣсь позже и не могло обнять большаго числа крестьянъ.

Вообще изслѣдованіе г. Тройницкаго наводитъ на многія, весьма любопытныя соображенія, и представляетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія для самопознанія. Сильнѣе принести автору нашу признательность за трудъ, требовавшій большаго вниманія и любви къ дѣлу.

М. Н о м и с ъ.